

The background is a dark, atmospheric illustration of a dilapidated hallway. In the center is a dark, heavy door with a small handle. To the right is a window with multiple panes, some of which are broken or missing. The walls are covered in peeling paint and graffiti. The floor is made of large, dark tiles, some of which are stained with red, possibly blood. The overall mood is mysterious and unsettling.

Лена Обухова

**ЧЕЛОВЕК
ЗА ЧЁРНОЙ ДВЕРЬЮ**
Городские легенды

Городские легенды

Елена Обухова

Человек за чёрной дверью

«Автор»

2021

Обухова Е. А.

Человек за чёрной дверью / Е. А. Обухова — «Автор»,
2021 — (Городские легенды)

Он приходит из-за черной двери, как ее ни запирай. То ли беспокойный дух самоубийцы, то ли грешная душа, вырвавшаяся из ада. Одно известно точно: когда дверь открывается, лучше быть подальше от нее, потому что этот человек жаждет крови и не щадит никого. Но как обезопасить себя, когда любая дверь может вдруг стать черной? Полиция города Шелково все еще пытается найти и остановить маньяка, пробуждающего к жизни самые страшные городские легенды, и на этот раз им придется столкнуться с одной из самых кровавых. Влад все ближе подбирается к разгадке тайны событий трехлетней давности, а Юля – к пониманию происходящих с ней изменений. Но способны ли ответы на их вопросы дать им покой? Ведь существуют двери, которые лучше не открывать.

© Обухова Е. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лена Обухова

Человек за чёрной дверью

Пролог

26 января 2017 года, 16:05

г. Шелково, Московская область

Леха думал, что придется лезть через забор, но оказалось, что на территорию бывшей ткацкой фабрики можно попасть проще: через огромную дыру в одной из бетонных панелей. Ее, очевидно, сделали специально, чтобы без лишних проблем растаскивать бесхозное оборудование и его части, особенно металлические. Николай Иванович – его старший товарищ, который и подбил Леху на эту вылазку, – явно знал об этом больше, чем говорил, потому что означенную дыру в заборе нашел быстро, да и внутри, среди полудюжины строений разного размера и угрюмости, ориентировался довольно уверенно.

– Вы часто сюда залезаете? – поинтересовался Леха, догоняя Николая Ивановича, стремительно шагнувшего к самому большому зданию – бывшему основному цеху.

– Не, – мотнул головой тот, не сбавляя темп. – С детства тут все помню. У меня тетка на фабрике работала почти до самого ее закрытия в девяносто пятом. Я тогда еще пацаном был и после школы часто сюда прибегал поглазеть. Да и тетка частенько для меня чего-нибудь вкусное с собой носила. У нее своих детей не было, вот она меня и баловала. Пролом этот в заборе еще с тех пор, только тогда он был гораздо меньше. В него пролезть могли или собаки, или щуплые детишки вроде меня. Это уже потом его расширили.

Леха сделал вид, что поверил. Николай Иванович был не из тех людей, что станут с гордостью трепаться о том, что и где они сперли.

Снег на территории бывшей фабрики, конечно, никто не чистил, поэтому путь от забора до здания занял несколько больше времени, чем можно было ожидать, глядя только на расстояние. Пусть осадков уже с неделю не было совсем, а до того еще неделю с неба если чего и сыпалось, то без особого энтузиазма, ноги все равно проваливались, снег налипал на невысокие сапоги и иногда норовил засыпаться внутрь. Уже темнело, хотя правильнее было бы сказать, что сегодня с утра не особо-то и рассветало, но чувствовалось, что дело идет к вечеру: температура опускалась. Поэтому Леха не вынимал руки из карманов куртки и втягивал голову в плечи. Он еще не вышел из того возраста, когда ходить зимой без шапки кажется верхом крутости. А перчатки он просто постоянно где-то забывал или вовсе терял.

Высокая дверь, к которой они подошли, – или, правильнее сказать, створка ворот, поскольку в этом месте раньше явно был выезд для грузовых машин, – стояла нараспашку, поэтому снег заметало внутрь того пространства, что раньше служило погрузочным залом. Девственно чистый, нетронутый следами, он белел в сгущающихся сумерках, а все остальное огромное помещение уже тонуло во мраке: окна за годы заросли грязью и уже не пропускали свет в достаточном количестве.

Николай Иванович остановился, не торопясь пересекать порог, сначала то ли взгляделся в мрачную полутьму, то ли прислушался к чему-то.

Леха тоже послушно остановился, не торопясь лезть вперед, но недовольно поежился под порывом ветра.

– Чего стоим, кого ждем? – нарочито весело поинтересовался он, чтобы это не прозвучало как претензия.

Он все ждал, когда Николай Иванович повернется к нему и покатится со смеху, заявив, что Леха тот еще лошара, если поверил в рассказанную байку и зашел в желании найти сокро-

вище так далеко. Потому что причина их вылазки на старую заброшку, как эти места называли в интернете, с самого начала не вызывала доверия.

Все началось с пьяного трепа в гараже, где они с Николаем Ивановичем работали. Тот был уже автослесарем со стажем, а Леха только недавно отучился и пришел на свою первую в жизни работу, так что Николай Иванович стал для него кем-то вроде наставника.

В тот вечер они вроде как отмечали грядущий Новый год, хотя из атрибутов праздника у них имелась лишь крошечная плешивая елочка, ютящаяся на краешке стола. Зато «поляну» накрывал сам хозяин гаража. Эдакий «корпоратив».

Вот этот самый хозяин, будучи уже хорошенько «под мухой», и рассказал славную историю родом из девяностых. Мол, он тогда еще был «шестеркой» в одной из местных группировок, которая в том числе «крышевала» постепенно умирающую фабрику. Как водится, случались столкновения и войны как с другими группировкам, так и с ментами.

И вот как-то так однажды вышло, что пришлось им крупную сумму денег прятать, а более подходящего места, чем ткацкая фабрика, не нашлось. Сам он точно не знал, где те деньги схоронили, но слышал краем уха, что выбрали какое-то якобы надежное место «за черной дверью». Да только потом разразилась настоящая война, в которой их группировка проиграла. Почти никто не выжил, уцелели лишь те, кто вовремя свалил, как он. Вернулся в Шелково лишь через восемь лет, когда лихие времена безвозвратно канули в Лету.

– Заделался честным бизнесменом, трижды начинал с нуля, – заплетаящимся языком рассказывал хозяин тем, кто еще не дремал мордой в покупном салате. – И каждый раз про те бабки вспоминал. Забрал их в итоге кто или так и лежат? Все ж таки четверть ляма зелени там было...

– И че, не пробовали найти? – поинтересовался тогда Леха.

– Пробовал, – кивнул хозяин. – Но не нашел. Или все же вынесли их, или не те черные двери я проверял.

Николай Иванович в тот раз ничего не сказал. Лехе вообще казалось, что он тоже дремлет, но как выяснилось позже, наставник внимательно слушал. Потом все ходил задумчивый, курил больше и быстрее обычного, из просто немногословного человека превратился в настоящего молчуна. Лишь через три недели после Нового года наконец подвалил к Лехе с неожиданным предложением.

– Знаю я, что это за черная дверь и где она, – сообщил он без предисловий, но Леха сразу понял, о чем речь. История хозяина и у него из головы не шла. – Пойдешь со мной за деньгами?

Так и спросил: «Пойдешь за деньгами?», а не «Пойдешь проверять, там ли деньги?» Как будто знал наверняка, что их еще никто не тронул.

Леха, конечно, выразил сомнение в том, что деньги еще там, если вообще когда-то там были, и все это не пьяные байки мужика, тоскующего по криминальной юности. Николай Иванович на это только хмуро спросил: «Пойдешь или нет?»

Тут уж Леха просто согласился, решив, что в худшем случае потеряет пару часов времени. А так – чем черт не шутит? Поднять на пустом месте четверть ляма зелени – это ли не мечта? Ну, пусть не четверть, ведь ее придется разделить с Николай Ивановичем, но все равно. Зелень-то за годы в цене только выросла, эти деньги навсегда изменят его жизнь. А ну как повезет? Выигрывают же люди в лотереи, находят клады... Может, и на его улицу солнце решило заглянуть?

Одного Леха не понимал: зачем он Николаю Ивановичу? По доброте душевной тот с ним, что ли, решил разделить столь лакомый кусочек? Вряд ли боялся не унести, это же просто бумажки...

Потому и заставлял он себя сильно губу не раскатывать и делать вид, что ждет, когда наставник расколется и признается, что просто разыграл его.

Но сейчас, заглянув Николаю Ивановичу в лицо, понял, что тот не прикалывается. А его с собой позвал по одной простой причине: потому что боится идти в старое здание один.

Вот только чего тут бояться-то? Тихо, пусто. Хочешь – еще не растащенное бери, хочешь – деньги мешками выноси. Никто не помешает.

И все же Николай Иванович стоял, замерев у порога, слушал тишину и смотрел в пустоту, пока все же не решился вытащить из сумки пару фонарей и шагнуть вперед.

– Дурное это место, Леха, – едва слышно признался он, отдавая ему один фонарь и направляясь к двери в противоположном конце зала. – Так что держи ухо востро и смотри по сторонам. В оба смотри, слышишь?

– Слышу, – кивнул Леха. – А что здесь не так-то? Кого высматривать?

Он все еще придерживался легкого, слегка насмешливого тона, поэтому Николай Иванович остановился и вперил в него тяжелый взгляд.

– Я не шучу, Леха. Много людей здесь сгинуло, как говорят. И еще большой вопрос, кто положил тех ребят, с которыми наш хозяин в группировке состоял. Может, и не война тому виной была.

Теперь уже и по спине Лехи пробежал неприятный холодок.

– А что?

Николай Иванович отвернулся и пошел дальше, бросая по сторонам опасливые взгляды.

– Еще когда я пацаном был, про него уже говорили. И про черную дверь тоже. В основном мужики между собой шушукались, я подслушивал, а потом вдруг и тетка начала меня гнать, велела больше не приходить к ней на работу. После чего и вовсе уволилась, хотя работа, на которой платят, в те времена была на вес золота. Но я и после умудрялся бегать сюда, все хотел увидеть его...

– Да кого?!

– Черного человека. Ну, это я его так про себя называл, а вообще просто говорили, что он из-за черной двери приходит.

– Той самой?

– Думаю, да. Я ее нашел, хотя тут все сделали, чтобы дорогу к тому месту забыть навсегда. Разное говорили про то помещение. Одни утверждали, что там какой-то бедолага свел счеты с жизнью, не выдержав краха Союза. Мол, заперся изнутри, полил себя и все вокруг бензином и чиркнул спичкой. А другие утверждали, что пожар действительно был, но тела внутри не нашли. Мол, на самом деле разверзлись там однажды ворота ада и вырвался наружу грешник – жестокий убийца. Оттого все и опалилось, в том числе и дверь. И как ту дверь ни запирали, человек из-за нее все равно выходил и забирал любого, кто под руку подвернется. Перерезал глотку и утаскивал к себе, где всю кровь из него выпивал, а то и пожирал до последней косточки.

– Да брехня же... – неуверенно протянул Леха, но по сторонам принялся смотреть с удвоенной силой.

– Может, и брехня, – легко согласился Николай Иванович. – Тогда всякая мистика в почете была. Но только человека этого я однажды все-таки увидел. Он действительно был черным – одет... в бесформенный такой балахон с капюшоном. Я видел, как он тащил какого-то мужика, а тот даже не дергался. За ним по полу тянулся кровавый след. Потом они оба скрылись за черной дверью, а я, чуть не наделав в штаны, убежал и больше никогда сюда не возвращался. Никогда.

– Разве что сегодня, – напомнил Леха.

– Очень уж серьезная причина, – буркнул Николай Иванович, ступая на шаткую металлическую лестницу.

Они поднялись, прошли по темным ободраным коридорам, миновали еще один зал с убитым временем и мародерами оборудованием, свернули в еще один узкий коридор, вскрыли

какую-то дверь, с трудом вдвоем отодвинули громоздкий тяжеленный стеллаж и нырнули в очередной коридор.

А потом Николай Иванович наконец остановился и объявил:

– Вот она.

Леха добавил свет своего фонарика к лучу, которым указывал направление наставник. Впереди, в конце этого последнего коридора, действительно чернела вьёвшейся копотью дверь. Петли, на которых должен был держаться замок, пустовали, но плотно уверенно закрывало проем.

Николай Иванович застыл на месте и как будто передумал проверять, сохранилось ли когда-то спрятанное здесь сокровище, поэтому Лехе пришлось проявить инициативу. Он приблизился к двери и осторожно надавил на нее, поскольку открывалась она явно внутрь.

Дверь слегка дрогнула, но не поддавалась. Леха толкнул сильнее, а потом и вовсе пнул полотно ногой, но результат не изменился.

– Петли, что ли, проржавели? – предположил он, хотя это было мало похоже на правду.

Более вероятным казался вариант, что что-то держит дверь изнутри. Но что это могло быть? И значило ли это, что внутри кто-то есть?

Леха осторожно постучался и громко поинтересовался:

– Есть кто?

В ответ не раздалось ни звука.

– Отойди, – велел наконец отмерший Николай Иванович.

Он снова достал из сумки лом-гвоздодер, которым они вскрыли предыдущую дверь, вставшую у них на пути, но в этот раз результат у его действий оказался не лучше, чем у Лехи.

– Таран нужен, – предположил тот, задумчиво почесывая затылок. – Засов там или подперто чем, проще всего тараном вышибить.

– Таран я как-то не прихватил, – заметил Николай Иванович, сдаваясь и убирая лом обратно в сумку.

– Да прямо здесь что-нибудь найдем. Лишь бы тяжелое и взяться было за что.

– Ну, давай поищем...

Чтобы сэкономить время на поиски, они разошлись в разные стороны, договорившись созвониться, как только кто-то найдет что-то подходящее.

Лехе не повезло: в том направлении, в котором ушел он, ничего, что могло бы послужить тараном, не нашлось. Все было или хорошо закреплено, или недостаточно тяжело, или категорически неподъемно. Он решил попытать счастья в другом направлении, но, когда снова проходил мимо коридора, в конце которого притаилась нужная им дверь, неожиданно услышал скрип петель и скрежет металла.

– Николай Иванович? – позвал он, углубляясь в коридор и подсвечивая себе дорогу фонарем.

Наставник не отозвался, но пятно света выхватило из темноты почерневшую после пожара дверь, и на этот раз она оказалась приоткрыта. Несильно, ровно настолько, чтобы внутри мог протиснуться не слишком крупный мужчина.

«Вот жучара, – промелькнула в голове злая мысль, – все-таки решил надуть».

Леха решительно шагнул к двери, намереваясь поймать наставника на «горячем», ведь тот наверняка понял, как открыть дверь, и решил прибрать к рукам все денежки. При таком раскладе не грех будет и побольше себе отжать. В конце концов, Леха и повыше, и в плечах шире, и моложе.

Однако в последний момент парень остановился, так и не толкнув дверь и не нырнув в узкую щель.

За дверью было слишком тихо. Никто не ходил, не шуршал, а в такой тишине звуки наверняка были бы отчетливо слышны. Может быть, Николая Ивановича там нет?

Но если его там нет, то где же он? И кто открыл дверь, если не он?

Живот свело от недоброго предчувствия. Леха посветил фонариком внутрь, но через узкую щель смог разглядеть лишь покрытые черной сажей стены. Из помещения веяло холодом и пахло чем-то мерзким. «Смертью», – почему-то решил Леха, хотя настоящих мертвых пока в глаза не видел, но запах почему-то остро ассоциировался именно с мертвецами.

Леха непроизвольно отступил на шаг и еще немного посветил фонариком. Луч света упал на пол, да так и замер. Только сейчас на грязной, порядком вытопанной поверхности удалось разглядеть едва заметный след. Старый, высохший, ставший почти коричневым *кровавый* след, Леха в этом не сомневался. Здесь по полу тащили истекающее кровью тело!

«И как ту дверь ни запирали, человек из-за нее все равно выходил и забирал любого, кто под руку подвернется. Перерезал глотку и утаскивал к себе, где всю кровь из него выпивал, а то и пожирал до последней косточки».

Леха попятился снова, с трудом сглатывая и испытывая отчаянное желание убежать как можно быстрее и как можно дальше, но тело словно увязло в густом киселе и едва могло двигаться.

За приоткрытой дверью наконец раздался какой-то звук, заставивший оторваться от разглядывания разводов на полу и снова поднять свет фонаря к щели. Леха сделал это ровно в тот момент, когда дверь с приглушенным лязгом захлопнулась.

– Лех, смотри, я тут нашел кусок трубы, может быть, он подойдет?

Раздавшиеся за спиной голос наставника и звук его шагов подействовали магическим образом. С Лехи словно спало наваждение, он снова почувствовал собственное тело, сжал фонарь крепче, развернулся и, не глядя на Николая Ивановича, бросился бежать.

– Эй, ты куда? Ты чего? Леха! – неслоь вслед, но он и не подумал обернуться или притормозить.

Он путался в поворотах и петлял в коридорах дольше, чем на пути к двери, весь взмок в зимней куртке и почти задохнулся от непривычной нагрузки, но остановился только тогда, когда вырвался из погрузочного цеха на улицу.

Здесь успело почти полностью стемнеть, солнце наверняка уже село, но все равно на улице было не так страшно, как внутри.

Леха обернулся и посмотрел на здание цеха, гадая, почему Николай Иванович не последовал за ним. Неожиданно стало совестно за собственное бегство, за то, что оставил наставника внутри наедине с неизвестной угрозой. Леха даже подумал, не вернуться ли...

Но когда взглянул на темные окна верхнего этажа, ему показалось, что сквозь мутное от грязи стекло он увидел силуэт человека в черном балахоне с капюшоном, скрывающим лицо.

Правда это была или порождение его воспаленного воображения на почве пережитого ужаса, Леха не знал и проверять не собирался. Он снова повернулся и припустил к дыре в заборе, ориентируясь на их с Николаем Ивановичем общие следы.

Больше он не оглядывался.

Глава 1

28 января 2017 года, 07:50

Дверь открылась перед ним сама собой, пропуская на узкую, тускло освещенную лестницу, резко уходящую вниз. Влад спустился, осторожно переставляя ноги, словно опасался, что в любой момент может наступить на что-то или просто зацепиться носком ботинка за препятствие и кубарем покатиться к подножию.

Пахло гарью. Это был старый, прочно въевшийся в стены запах, который не выветрится уже никогда. Он напоминал о пожаре, произошедшем более трех лет назад. Однако сами стены почему-то не выглядели закопченными.

Влад дошел уже до середины лестницы, когда дверь за ним с глухим стуком захлопнулась, оставляя его в крошечной темноте. Пришлось достать смартфон и включить на нем фонарик.

Впереди маячила еще одна дверь. Она висела на петлях немного криво и потому не закрывалась до конца. Сквозь узкую щель на пол падала полоска подрагивающего света. Такой обычно отбрасывает пламя.

Чувствуя, что сердце готово выпрыгнуть из груди, Влад потянул на себя ручку двери и вошел в небольшое помещение с низким потолком. Еще только обхватывая пальцами холодный металл, он уже знал, что увидит секунды спустя. Знал, но не мог заставить себя остановиться.

Они лежали по кругу, головами внутрь. Линии звезды обращали на себя внимание не сразу, поэтому лишь бесконечно долгие секунды спустя Влад понял, что тела лежат на вершинах пентаграммы. И еще одно покоилось в центре. Это были люди разного возраста, мужчины и женщины. У каждого было перерезано горло, а черная кровь стекала на пол. От ее запаха перехватывало дыхание, а к горлу подкатывала тошнота.

Влад поймал себя на мысли, что испытывает лишь шок и отвращение, но совсем не страх, хотя кровь на полу выглядела совсем свежей, продолжала немного растекаться, что давало понять: этих людей убили недавно, убийца, вполне вероятно, еще где-то рядом.

Услышав за спиной шорох, он резко обернулся, светя фонариком, хотя свет от толстых коротких свечей, расставленных на полу, и так неплохо разгонял мрак. Но туда, где ему послышалось движение, он не доставал. Или просто не мог выхватить из крошечной темноты человека в черном балахоне, скрывающего лицо под объемным капюшоном.

Незнакомец стоял неподвижно, замерев, словно статуя. Он не пытался ни сбежать, ни напасть. Как будто чего-то ждал.

А, может быть, это и не человек вовсе? Просто манекен?

Влад почувствовал непреодолимое желание узнать, поэтому шагнул незнакомцу навстречу. Тот не шелохнулся. Еще несколько шагов – и расстояние между ними исчезло. Капюшон все еще скрывал большую часть лица, но Влад уже видел вполне себе настоящий мужской подбородок. Значит, не манекен.

Рука сама собой потянулась к темной ткани и откинула ее назад. Из горла вырвался сдавленный крик, и Влад почти отпрыгнул назад, наконец задыхаясь от ужаса. На него безучастно смотрели слепые, затянутые бельмами глаза на до боли знакомом лице. На его собственном лице!

Он попятился, зацепился ногой за лежащее на полу тело и упал навзничь, роняя смартфон, но хуже от этого видеть не стал. Его собственная копия чуть шевельнула головой, устремляя слепой взгляд прямо на него. И хотя двойник по-прежнему не двигался с места, Влад старательно отползал от него подальше, пока не уткнулся в кого-то, кто стоял в другом конце помещения.

Увидеть, кто это был, ему не удалось. Стоило лишь попытаться обернуться, как все вдруг поплыло, а сам Влад, судорожно вдохнув, вынырнул из кошмара.

В первое мгновение, как это часто бывало, он не смог понять, почему вокруг так темно, но через секунду вспомнил, что уже больше трех лет его глаза не видят, поэтому оставалось только сосредоточиться на ощущениях, пытаясь успокоить дыхание и молотящийся в ушах пульс.

Ощущения были вполне привычными: удобный матрас под спиной, любимое одеяло сверху, знакомые запахи его квартиры в Шелково, которую он все еще воспринимал как новую, хотя прожил тут уже почти пять месяцев и целую маленькую жизнь.

Рядом кто-то зашуршал, переворачиваясь, после чего поперек его туловища легла рука, а плеча в быстром поцелуе коснулись мягкие губы.

– Все в порядке? – сонно поинтересовалась Юля.

Влад улыбнулся, глубоко вдыхая и окончательно успокаиваясь, погладил обнявшую его руку и заверил:

– Да, просто ерунда какая-то приснилась.

Голос прозвучал слишком хрипло даже для утра, поэтому Влад откашлялся, чтобы прочистить горло.

– Я тебя разбудил?

– Да нет... Или да... Не знаю. Не могу сказать, что я проснулась, – вяло пробормотала Юля.

Похоже, она действительно говорила сквозь сон.

– А который час? – поинтересовался Влад.

– Без понятия. Но еще довольно темно. Можно спать дальше.

Влад молчаливо согласился, продолжая скользить кончиками пальцев по всей длине ее руки, прислушиваясь к дыханию, а заодно и к собственным ощущениям. Прошло уже очень много времени с тех пор, как он регулярно просыпался в постели с женщиной. Пока не успел снова к этому привыкнуть.

– По крайней мере, ты уже не вскакиваешь в ужасе от мысли, что уснула и осталась у меня на всю ночь, – задумчиво заметил он, за что получил едва ощутимый шлепок ладонью.

– Бе-бе-бе, – как-то совсем по-детски отозвалась недовольная Юля.

За время их коротких отношений, которым не исполнилось еще и месяца, она оставалась у него до утра всего в третий раз. Четвертый, если считать новогоднюю ночь, но ее Влад не мог учитывать в данном контексте, потому что в Новый год Юля все равно вернулась домой первой, ее мать и брат ночевали у бабушки с дедушкой. А в следующий раз Юля позволила себе остаться почти три недели спустя. Впрочем, как – позволила? Умоталась и уснула слишком крепко, а Влад не стал ее будить. Утром она вскочила в панике, переживая, что не предупредила дома о том, что не придет ночевать. Влад успокоил ее, заверив, что предупредил сам, но она все равно торопливо собралась и сбежала в квартиру напротив, в которой и жила. Но, видимо, дома все прошло хорошо, потому что буквально через пару дней она осталась снова, а теперь вот и еще раз.

Влад улыбнулся и осторожно заворочался, обнимая Юлю и вынуждая ее переложить голову ему на плечо, против чего она совершенно не возражала. Наоборот, с готовностью прижалась к нему теснее и теперь дотянулась губами и до его шеи. Сердце снова забилося чуть быстрее, но уже совсем по другой причине.

Однако холодный призрак ночного кошмара все еще не желал отпустить его, поэтому Влад снова заговорил, не желая давать себе даже малейшую возможность уснуть:

– Значит, думаешь, еще слишком рано?

Юля вздохнула, потом зашевелилась, тихо пыхтя, вероятно, дотянулась до телефона, лежащего на прикроватной тумбочке.

– Без пяти восемь, – сообщила она наконец, укладываясь обратно. – Безбожно рано для субботы. У меня сегодня из планов только отвести Семку на день рождения к однокласснику, а потом забрать его оттуда. Но это все не раньше двух часов. Я планировала спать как минимум до десяти.

– А я уже проголодался...

– Ты прямо как Семка, – фыркнула Юля. – Этому тоже вечно не спится в выходные из-за приступов голода. Но у него хотя бы растущий организм. А у тебя какое оправдание?

– А я мужчина в самом расцвете сил, и силы эти требуется постоянно восполнять, – в тон ей ответил Влад. – Как ты относишься к сырникам с вяленой клюквой и сливочным соусом на завтрак?

– М-м-м... Смотря в каком смысле. Если есть, то очень даже положительно. А если готовить, то я пас.

– Как хорошо, что я нанял такую трудолюбивую помощницу по хозяйству, – не удержался он от еще одной подначки.

Юля совершенно не смутилась. Ему даже показалось, что она улыбнулась, но поскольку Влад не мог этого видеть, он не был уверен на сто процентов.

– Насколько я помню, когда мы договаривались об этой работе, ты заявил, что завтраки тебе готовить не нужно, мол, ты и сам с этим справляешься.

– И я от своих слов не отказываюсь! Так что да, я спрашивал, будешь ли ты сырники, если я их приготовлю.

Юля приподняла голову с его плеча и, вероятно, удивленно уставилась на него. Во всяком случае, Владу нравилось думать, что ему удалось ее удивить.

– Серьезно? Ты можешь приготовить сырники?

– Да что там готовить? – криво улыбнулся он. – Открываешь упаковку с заморозкой, ставишь в микроволновку и разогреваешь. Кристина на этой неделе привезла пару коробок среди прочего.

– Читер, – фыркнула Юля, снова кладя голову ему на плечо. – А я и не знала, что Кристина опять приезжала.

– Ты была на занятиях. Она заскочила буквально на час, привезла еды, как будто я тут голодаю, выпила со мной чашку кофе и уехала.

Юля удивленно хмыкнула, но промолчала, пояснила свою реакцию только тогда, когда Влад спросил.

– Просто это означает, что в январе она приезжала уже трижды, хотя мне казалось, что раньше она делала это не так часто. Если не считать того времени, когда она у тебя жила.

– Я тоже удивился. Она дольше едет туда-обратно, чем остается у меня. Возможно, снова ссорится с Олегом. Или просто он, как всегда, занимается своими делами, а она ищет, как убить время.

– Наверное, – протянула Юля.

Ее голос все еще звучал сонно, хотя с Влада сонливость окончательно слетела, пока они болтали. И как бы ни было хорошо лежать в обнимку, нехорошие мысли все еще терзали мозг, поэтому срочно требовалось его чем-то занять.

– Пойду в душ схожу, – объявил Влад, медленно выбираясь из-под одеяла, чтобы как-нибудь неловким движением не задеть Юлю. – А потом приготовлю завтрак.

– Звучит волшебнo...

Ему снова показалось, что она улыбается, и где-то в глубине души знакомо кольнуло. Ему хотелось бы увидеть ее улыбку. Хотя бы один раз.

Усилием воли Влад прогнал эти мысли, поскольку они расстраивали даже больше, чем воспоминания о неприятном сне.

В ванной он первым делом плеснул в лицо холодной воды, чтобы взбодриться и привести хаотично мечущиеся мысли в порядок.

Подвал снился ему уже не в первый раз. После новогодних каникул, как только Юля плотно занялась организацией грядущей стажировки в Испании, а Игорь – его водитель и телохранитель – вернулся наконец с затянувшегося больничного после тяжелой травмы головы, Влад отправился в чудное местечко под названием «Озерки». Судя по информации, добытой для него главой службы безопасности их семейного холдинга «Вектор», именно в этот населенный пункт Влад заезжал в день аварии, лишившей его зрения. Заезжал, хотя совершенно туда не собирался, направлялся совершенно в другое место. Но, встретив по дороге голосовавшую на обочине женщину, почему-то изменил планы.

Он не помнил, что и почему тогда произошло. Единственное, что удалось восстановить с помощью сеансов гипноза, – это встречу с незнакомкой, которая сначала попросила довезти ее до ближайшего населенного пункта, а потом каким-то образом уговорила сделать крюк в добрых четыреста километров. Кончилось все тем, что та женщина погибла при загадочных обстоятельствах вместе с шестью другими постояльцами местной гостиницы. Следствие признало трагедию несчастным случаем, утверждая, что все постояльцы погибли в пожаре, возникшем по причине неисправности старой электропроводки, но Горин выяснил для Влада, что в легких жертв совсем не было следов дыма. Это означало, что погибли они еще до того, как пожар начался, но других подробностей той истории выяснить не удалось.

У самого Влада не возникло и крошечного проблеска воспоминаний, даже когда он услышал рассказ Горина. Ему пока не удалось вспомнить, присутствовал он при той трагедии или уехал раньше и почему в итоге, вернувшись на трассу, с которой свернул, почти сразу съехал с дороги и врезался в дерево.

Но оставалась ниточка: в пожаре выжила одна женщина – администратор гостиницы. Чтобы найти ее и поговорить, Влад и отправился в Озерки вместе с Игорем, сказав Юле, что ему нужно пройти плановое медицинское обследование в Москве, из-за которого придется покинуть Шелково на пару дней.

Найти женщину не составило труда: Горин снабдил его именем, адресом и даже номером телефона ее сына, с которым женщина жила. Тот категорически не хотел давать матери трубку, но, когда на его пороге появился хорошо одетый слепой мужчина с охранником, так легко отказать уже не смог. А когда дело дошло до неплохих денег в обмен на короткий разговор, он колебался не дольше пяти секунд.

Правда, Владу это не сильно помогло. Женщина не горела желанием рассказывать о том дне, ссылаясь на пережитый стресс и провалы в памяти.

А потом она, вероятно, разглядела его лицо. И практически впала в истерику, на чем общение закончилось. Причины такой реакции Влад не понимал, мог лишь предположить, что женщина его узнала. А стало быть, видела в тот день.

Вот только почему она так испугалась его? Ответа на этот вопрос Влад не знал до сих пор.

После провального общения с единственной выжившей Влад решил побывать и на месте трагедии. Игорь проводил его и как смог описал, как гостиница – а вернее, то, что от нее осталось, – выглядит сейчас. Оказалось, что здание, хоть и серьезно обгорело, устояло. Влад, естественно, потребовал завести его внутрь, где достал папку с листами белой бумаги и простой карандаш.

Озарение пришло не сразу, но в итоге кончик карандаша все-таки принялся плясать по бумаге, оставляя на ней штрихи, постепенно складывающиеся в очередной «пророческий» рисунок. Впрочем, услышав его скупое описание из уст Игоря, Влад пришел к выводу, что это скорее образ из прошлого.

Его рука изобразила пентаграмму и шесть тел в ней. Сам он никогда не видел, что рисует, даже в собственном воображении, словно рука в такие моменты двигалась по собственной

воле. Но Влад предполагал, что образ, являющийся ему с тех пор во снах, очень похож на рисунок. Проанализировав такой сон в первый раз, он пришел к выводу, что это не экстрасенсорное виденье, случающееся с ним время от времени, а обычное воспоминание.

Он был в том подвале, который теперь ему снится, и видел мертвые тела в пентаграмме. Поэтому в его сне нигде нет следов пожара: Влад был там до того, как он начался. А запах гари – это уже новое воспоминание из недавней поездки.

Одно оставалось категорически непонятным: почему, стягивая капюшон с головы незнакомца, он каждый раз видит самого себя. Слепого себя.

Стоя под прохладными жесткими струями воды, Влад мысленно перебирал имеющиеся у него в руках кусочки головоломки, но пока они не желали складываться в единую картину. Слишком многое отсутствовало. Как незнакомой женщине удалось уговорить его отвезти себя в ту гостиницу? Что с ней в итоге произошло? Мог ли вид мертвых тел произвести на Влада такое шокирующее впечатление, что это стало причиной амнезии, через которую не смог пробиться даже гипноз? Если он стал свидетелем преступления и смог уехать, почему не вызвал полицию? А если вызвал, почему никто не пришел к нему с вопросами, когда он очнулся от комы? Что стало настоящей причиной его аварии? Совпадение ли, что в Шелково, куда привели его рисунки, ему повстречалась сестра той женщины, что села к нему в машину на трассе? И что в этом городе происходят убийства, в которых маньяк оставляет труп внутри пентаграммы? Как все это связано с Юлей и предсказанием Ночного Смотрителя, посулившего ему смерть семнадцатого марта?

Вопросов было слишком много, а времени оставалось все меньше. Январь подходил к концу, а это означало, что маньяк-убийца, помешанный на городских легендах, скоро нанесет еще один удар. Удастся ли его остановить? Владу было несложно сосчитать, что семнадцатого марта должно произойти шестое убийство. Значит ли это, что он и станет шестой жертвой, если не уедет из города раньше или маньяка не поймают на пятом убийстве? В этом ли его «миссия»: остановить убийцу раньше, чем тот доберется до него?

Ведь должна быть причина, по которой рисунки привели его в Шелково как раз перед первым преступлением! Ему хотелось в это верить.

Глава 2

30 января 2017 года, 18.40

– Значит, вот тут пиши: «С моих слов записано верно», ставь дату и подпись.

– Вот тут?

– Тута, ага, – сквозь зубы процедил Соболев, глядя на парня перед собой с некоторой брезгливостью.

Тот был очень медленным и соображал крайне туго. Вероятно, вообще до сих пор не понял, что по пьяной глупости зарезал приятеля – или, скорее, собутыльника, – и теперь капитально так присядет на несколько лет. На глуповатом лице, испорченном ранним увлечением алкоголем, застыла какая-то почти детская растерянность, хотя судя по документам, новоявленному убийце было уже двадцать три. Впрочем, мозгов у него, скорее всего, и к тридцати не прибавится. Откуда?

И парень-то, по сути, был не виноват в том, что таким уродился. Вероятнее всего, жертва пьяного зачатия и такого же воспитания. Капитан Соболев за свою карьеру повидал немало ему подобных. Да и жертва, собственно, ничем от него не отличалась. Они вполне могли и местами поменяться, просто фишка в этот раз так легла: тому повезло меньше, чем этому.

Занимаясь такими делами, Соболев ловил себя на разных темных мыслях о том, что некоторым людям лучше просто не появляться на свет. Приходилось заставлять себя не углубляться в эти размышления.

Простую фразу парень, конечно, написал с четырьмя ошибками, а над подписью и вовсе долго пыхтел, как будто не знал, как именно она должна выглядеть. Когда его наконец увели, Соболев тяжело вздохнул и растер лицо руками, после чего его усталый взгляд зацепился за доску, на которой они собирали краткую информацию по основному текущему расследованию – серии убийств по мотивам местных городских легенд.

Если бы кто-то его сейчас спросил, он не смог бы ответить, с какими убийствами лучше иметь дело: подобными бытовыми, которые расследуются за полдня, но при этом случаются с завидной регулярностью, убивая в тебе самом веру в человечество, или с сериями изощренных маньяков. Такие могут попасться всего-то пару раз за карьеру, но их можно так никогда и не раскрыть.

Приглушенно скрипнувшая дверь заставила Соболева встрепенуться. В кабинет вошел Петр Григорьевич Разин, с которым они делили и рабочее пространство, и некоторые дела. Коллега был старше на тринадцать лет, а потому по большей части равнодушен к происходящему и невозмутим. Впрочем, дело могло быть не в более внушительном стаже, а в особенностях характера.

– Ну что, Андрей, закончил? – поинтересовался Петр Григорьевич, пряча какие-то документы в их общий сейф. – Может, по домам?

– Может, – кивнул Соболев, тоже собирая бумажки, лежащие перед ним на столе, в стопку и размышляя, стоит ли сегодня добить всю бюрократическую волокиту по нелепому делу или оставить ее на завтра. – А может, еще немного задержусь.

– Да ладно, завтра со свежей головой все в пять раз быстрее оформишь, – махнул рукой Петр Григорьевич. – У меня тоже кое-что осталось, но я лучше утром. Валька обещала сегодня на ужин сациви сварганить, не хочу опаздывать.

Соболев подавил еще один тяжелый вздох. Его дома с сациви никто не ждал, да и с блюдами попроще тоже: с женой они давно разбежались, а новых постоянных отношений ему завести так и не удалось. Сплюшь эпизоды и краткосрочные романы до первого аврала на работе.

Так что объективных причин откладывать на завтра то, что еще можно сделать сегодня, не было, но Петр Григорьевич уже так соблазнительно натягивал на себя куртку, что Соболев все-таки решил: утро вечера по-любому мудренее.

Он даже успел встать из-за стола и потянуться, когда дверь кабинета снова скрипнула, на этот раз пропуская внутрь Михаила Велесова – молодого, но очень толкового, как Соболев теперь понимал, следователя.

– О, хорошо, что вы оба здесь! – с энтузиазмом заявил он, проходя сам и пропуская смутно знакомого мужчину.

И сразу стало понятно, что не сложилось ни у Соболева с более мудреным утром, ни у Разина с сациви.

– Петр Григорьевич, задержитесь, пожалуйста, – подтвердил Велесов эту догадку и добавил: – И нам еще Логинов понадобится. Андрей, набери ему. Кстати, вы помните Евстахия Велорьевича?

Велесов указал на немолодого мужчину в очках, вошедшего вместе с ним. Тот сдержанно улыбнулся и кивнул полицейским, а Соболев сразу вспомнил, почему его лицо кажется знакомым.

Несколько месяцев назад, в сентябре, когда произошло первое убийство, к ним заезжала группа каких-то исследователей, специализирующихся на всякой чертовщине. Тогда их было трое: двое мужчин и красotka. Два имени Соболев не запомнил, а вот Евстахий Велорьевич Нурейтдинов врезался ему в память.

В тот раз необычные консультанты предложили свою помощь в расследовании, но Велесов отказался. Попросил только предоставить информацию по значению пентаграммы, если исследователи ее найдут. Насколько Соболев знал, Нурейтдинов потом связывался с Велесовым и сообщал ему о результате своих изысканий, но сам он в мистическую подоплеку так и не «въехал».

И вот теперь, судя по всему, Велесов решил обратиться к Нурейтдинову снова, а тот даже приехал. Как только к ним присоединился Дмитрий Логинов – судмедэксперт и эксперт-криминалист по совместительству, работающий в том числе и над делом маньяка, сразу стало понятно ради чего.

– Как вы все, вероятно, знаете, в сентябре я анализировал символы, пытаюсь понять назначение пентаграммы, в которой вы обнаружили тело девушки, – тоном профессионального лектора начал Нурейтдинов.

– Вероятно, знаем, – недовольно буркнул Петр Григорьевич, который сейчас наверняка гораздо больше думал о ждущем его дома сациви, чем об убийствах. Он даже уже надетую шапку не стал снимать, словно давал окружающим и обстоятельствам понять, что он тут ненадолго.

Нурейтдинова это замечание и неприветливый тон не смутили и не сбили с мысли. Ну точно бывший преподаватель!

– Прежде всего, хочу обратить ваше внимание на то, что традиционно пентаграмма считается защитным символом. Его используют во время совершения ритуалов, связанных с призывом различных демонических сил. По сути, это защитный круг, а делящая его на секции звезда и добавленные в эти секции символы обычно призваны или усилить эту защиту, или осуществить призыв. Потому что во время ритуала ты можешь либо находиться внутри круга, не подпуская демоническую сущность к себе, либо в центр круга ты призываешь саму сущность, чтобы она не смогла его покинуть.

– Вы это все сейчас на полном серьезе говорите? – осторожно поинтересовался Логинов, растерянно крутя седеющей головой и глядя то на следователя, то на Соболева, то на необычного лектора.

– Я описываю, как это видят люди, совершающие подобные ритуалы, – спокойно пояснил последний. – И как это выглядит в соответствующих практиках.

– Давайте просто дадим человеку рассказать, – попросил Велесов, неловко улыбаясь. – И не будем забывать, что мы имеем дело с сумасшедшим, который может верить во что угодно.

Логинов согласно кивнул и дал понять, что внимательно слушает.

Нурейтдинов тем временем подошел к доске и указал на распечатку фотографии с места преступления, произошедшего больше трех лет назад и скрытого кем-то неведомым, но очень влиятельным. В тот раз на полу тоже была начертана пентаграмма, но вместо одного трупа полиция обнаружила семь.

– В этом случае как раз использовался классический круг призыва. Эта пентаграмма открывает дверь конкретному демону, который может войти в наш мир ровно в этом месте и на этом же самом месте должен остаться, пока не будут реализованы цели призыва. Кровь на вершинах пентаграммы, скорее всего, служила усилением контура, а жертва, находившаяся внутри, предназначалась самому демону в качестве подношения. Так что здесь использован достаточно классический подход.

– С какой целью? – снова подал голос Петр Григорьевич, но на этот раз звучал он заинтригованно.

– Как правило, демон призывается для порабощения и служения, – все с тем же спокойствием пояснил Нурейтдинов.

– А это вообще возможно – подчинить демона? – жадно поинтересовался Велесов.

Соболев покосился на него и насмешливо добавил:

– В смысле если принять за данность, что его можно призвать?

Следователь смутился. Нурейтдинов – нет.

– Считается, что чаще всего такие призывы заканчиваются или неудачей, или гибелью колдуна. Но описывается и несколько случаев успешного призыва с последующей сделкой. Считается, что люди, преуспевшие в этом, получают богатство, влияние и долголетие, но, как правило, за их алчность расплачиваются потомки. Преследование демоном превращается в родовое проклятие.

Если кому-то и захотелось засмеяться на этих словах, никто почему-то не решился. Нурейтдинов выглядел слишком серьезно.

– В ваших нынешних убийствах использована совсем другая пентаграмма, – продолжил он, пока никто не успел опомниться. – И как я уже говорил Михаилу Петровичу в сентябре, это не классический ритуал. Скорее, кустарная магия, созданная кем-то достаточно одаренным из элементов разных школ. Поэтому так трудно понять, к чему должен привести ритуал. Потому что судя по значениям символов, пентаграмма не предназначается для защиты или ограничения какой-либо силы. Она...

– Открывает дверь, – тоном нетерпеливого отличника, желающего показать себя, перебил Велесов.

– Да. – Нурейтдинов снисходительно улыбнулся.

– Какую дверь? – поинтересовался Логинов, хмурясь, от чего на его уже немолодом лице проявилось чуть больше морщинок, чем обычно.

– Метафорическую, – хмыкнул Соболев, припомнив объяснение Велесова под Новый год.

– Ритуалы вашего убийцы призваны высвободить некую силу. Я думаю, что маньяк, кем бы он ни был, проводит не несколько ритуалов, а один многоэтапный.

В абсолютной тишине Нурейтдинов подошел к карте, висевшей на стене между рабочими местами Соболева и Разина, и довольно уверенно отметил на ней четыре точки – места, где были найдены тела.

– Видите, что вырисовывается? – спросил он, оборачиваясь к своим слушателям.

Те лишь неуверенно пожали плечами. Тогда Нурейтдинов соединил точки между собой, начертив на карте внушительных размеров звезду. Немного кривую, но узнаваемую.

«Придется новую карту покупать», – пронеслось в голове у Соболева, поскольку на мистической подоплеке мозг категорически не желал фокусироваться.

– Это тоже пентаграмма? – уточнил тем временем Велесов.

– Похоже на то, – кивнул Нурейтдинов. – Я думаю, что как раз она – основная, в ней суть ритуала. А все произошедшие убийства – это активация, усиление вершин.

– Как пять мертвецов по кругу в старом случае? – предположил Логинов, который, как понимал Соболев, уже «въехал» в мифологию.

– Именно, – согласился Нурейтдинов, машинально поправляя очки. – Следующим убийством маньяк замкнет контур, очертит круг. И дальше ему останется лишь принести жертву внутри этого круга, чтобы призвать то, что хочет.

– А что он хочет призвать? – буркнул Петр Григорьевич.

Нурейтдинов покачал головой и пожал плечами.

– Я не знаю. Могу лишь предположить, что ваш город построен на энергетически активном месте, каких много на планете. Возможно, эту энергию он и хочет пробудить и поработить. Однако судя по масштабам, человек едва ли способен с подобным справиться.

– Если предположить, что все, о чем вы говорите, в принципе возможно, – настойчиво повторил Соболев, не желая снова пускать чертовщину в свою жизнь.

– Конечно, – с улыбкой согласился Нурейтдинов.

– Как вы думаете, убийства три года назад совершил тот же человек, что убивает сейчас в Шелково? – поинтересовался тем временем Велесов.

– Возможно, если он... оказался не удовлетворен результатами первого ритуала и решил попробовать другой. Но тут возникает вопрос, почему он так резко изменил практикуемую магию. Это не совсем типично для колдунов... В смысле тех, кто себя ими считает. Поэтому есть вероятность, что это два разных человека, поэтому и подходы у них разные, но один мог вдохновить другого. Также нельзя исключать вероятность того, что вы имеете дело не с одним человеком, а с группой. Это тоже способно объяснить разные, но в целом похожие ритуалы.

– И насколько большой может быть такая группа? – напряженно уточнил Соболев.

Они, конечно, еще с прошлого случая знали, что убийца работает с сообщником, но «группа» звучала еще более устрашающе.

Ответ Нурейтдинова никого не обрадовал:

– Без ограничений. Это может быть пара энтузиастов, ковен в пару десятков ведьм и колдунов или целая секта с сотнями последователей. Главное – что это, скорее всего, не обычный маньяк, получающий удовольствие от убийств. Это человек – или несколько – с миссией.

– И следующее убийство произойдет здесь? – Велесов ткнул в карту в том месте, где у начерченной пентаграммы находилась пятая точка.

– Скорее, примерно в этом районе, – Нурейтдинов обвел приличную территорию вокруг этой точки.

– Ох, неудачное место, – пробормотал Петр Григорьевич, подходя к карте и присматриваясь. – Сплошная промзона, к тому же наполовину заброшенная. Там еще в девяностых многие производства позакрывались. Некоторые пытались воскреснуть в нулевых и после, но не шло.

– Это вполне естественно для мест с отрицательной энергетикой, – заметил Нурейтдинов. – Ищите самое заброшенное и имеющее свою дурную историю. Там, скорее всего, находится самая активная точка, подходящая для пятой вершины.

– Что ж, какой-никакой, а шанс, – пробормотал Велесов задумчиво.

– Скорее – никакой, – буркнул Петр Григорьевич. – В прошлый раз мы знали точное место, дату и даже подозреваемый был – и все равно нас обвели вокруг пальца.

– В этот раз мы знаем больше, – возразил Соболев. – Мы знаем, что это будут сороковые сутки после предыдущего убийства – и все двадцать четыре часа имеют значение. Мы обязательно найдем место, потому что теперь знаем, к каким подсказкам стоит прислушиваться...

Велесов перехватил его выразительный взгляд и кивнул, добавив:

– Да и подозреваемый у нас снова есть.

– Правда? – заинтересовался Нурейтдинов. – Расскажите подробнее? Может быть, мне удастся узнать про него по своим каналам, связан ли он с магическими практиками.

Соболев снова со значением посмотрел на Велесова, довольно заметно покачав головой, но следовательно все равно ответил:

– Есть один человек, связанный с убийствами три года назад, который теперь живет в Шелково. Переехал аккуратно накануне первого убийства. Его зовут Владислав Федоров.

Соболев недовольно крикнул, считая это излишней откровенностью, но Велесов проигнорировал его. Лишь рассказал подробнее о том, что Федоров был на месте давнего убийства, после попал в аварию, в которой лишился зрения и воспоминаний о событиях того дня.

– Слепой? – удивился Нурейтдинов. В его голосе явно звучало сомнение.

– Мы предполагаем, что у него расщепление личности, – добавил Велесов. – И слепа только основная, а где-то внутри живет вполне зрячий маньяк-убийца. Он либо и совершил убийства три года назад, либо просто возник в ответ на травму, когда Федоров стал свидетелем того кошмара.

Нурейтдинов нахмурился и хмыкнул, причем так, что Соболеву это очень не понравилось.

– Что? – напряженно уточнил он.

– У меня есть еще одна версия, но она вам не понравится.

– Тогда, может, черт с ней? – предложил Петр Григорьевич.

– Какая? – почти одновременно поинтересовался Велесов.

– Ритуал три года назад удался, некая демоническая сущность была призвана. Но что-то пошло не так. Причиной тому могло стать вмешательство вашего Федорова или он просто допустил ошибку в процессе, но сущность могла... вселиться в него.

– В смысле он одержим дьяволом? – уточнил Логинов, и по его тону было невозможно понять, как он относится к этому предположению.

– Ну, скорее, демоном. В этом случае становится понятен размах. Демон, безусловно, сможет справиться с энергией такого масштаба.

– Нет, знаете, это уже слишком! – непроизвольно повысил голос Соболев, вскакивая с места. – Я готов поверить в раздвоение... или расщепление личности, но одержимость – это уже для плохих ужастиков!

– Зря вы так, – спокойно улыбнулся Нурейтдинов. – Ведь что такое одержимость? Два сознания в одном теле. Или больше. Не так ли в психиатрии появилась теория о расщеплении? Всего лишь попытка научно объяснить сверхъестественное.

В кабинете снова повисла тишина, даже Соболев не нашел что сказать. По сути, Нурейтдинов был прав: и расщепление, и одержимость звучали одинаково фантастично. И пугающе похоже.

– Как бы там ни было, – добавил их необычный эксперт, – у меня есть возможность задержаться в городе на несколько дней, чтобы помочь вам. Как минимум с поиском наиболее вероятной пятой вершины и соответственно местом следующего убийства.

– А как максимум? – не удержался Соболев.

Нурейтдинов как-то странно посмотрел на него. То ли свет необычно отразился от стекол его очков, то ли в самих глазах промелькнуло нечто новое. Соболев не смог понять, но почему-то мелкие волоски у него на шее отчетливо зашевелились.

– Если здесь действительно замешан демон, я смогу помочь вам и с ним.

Глава 3

31 января 2017 года, 15.10

Из здания, где находилась языковая школа, Юля выскочила, не утруждая себя застегиванием пальто и надеванием шапки, хотя та на всякий случай лежала в сумке с учебниками и тетрадями. На улице подмораживало, зима была в самом разгаре, но всего в нескольких метрах от входа ее ждала заботливо прогретая Игорем машина, поэтому она не видела причин укутываться.

Курсы испанского языка – а если говорить точнее, то интенсивные персональные занятия по специальной программе, – организовал Влад. Буквально через пару дней после Нового года он вручил Юле подарочный сертификат на сто пятьдесят предоплаченных академических часов. По ее меркам стоили они целое состояние, а он едва ли считал это серьезной тратой.

– Ну вот, – вздохнула Юля, глядя на сертификат. – А я только порадовалась тому, что ты решил не смущать меня дорогими подарками.

– А кто сказал, что это подарок? – нарочито серьезно удивился Влад. – Это стажировка от компании.

– От какой еще компании?

– Ну, ладно, в данном случае – просто от нанимателя, – поправился он, все же приподнимая уголки губ в едва заметной улыбке. – Ты ведь работаешь на меня, так? Так вот, я считаю, что для полноценной работы тебе необходимо владеть разговорным испанским, поэтому отправляю тебя его учить. Ты потом это обучение отработаешь.

Юлины брови удивленно поползли вверх.

– Интересно как?

– Как переводчик, – невозмутимо пояснил Влад с таким видом, словно они уже сто раз это обсуждали, а она почему-то вдруг забыла. – Я хочу осенью поехать на пару недель в Мадрид, давно там не был. Будешь меня сопровождать. А потом, возможно, в феврале поедем на Майорку. Мне говорили, там в это время невероятно красиво цветет миндаль. Я все собирался как-нибудь съездить посмотреть, но все откладывал из-за разных дел.

Его тон на этих словах почти не изменился, Юля заметила лишь едва уловимое эхо тоски. Возможно, оно ей просто почудилось, потому что она знала: теперь Влад уже не может увидеть, как цветет миндаль.

– Хочу, чтобы ты посмотрела на это вместо меня, – продолжил он. – А я постараюсь уловить запах. В общем, планов на твоё владение испанским у меня много.

– Знаешь, я рада, что ты планируешь путешествия, – искренно ответила на это Юля, крепко сжимая его ладонь в благодарном жесте. – И будь уверен: я заставлю тебя поехать.

Влад рассмеялся и притянул ее к себе, чтобы поцеловать, против чего она, конечно, совершенно не возражала.

Юля думала, что заниматься три дня в неделю по четыре академических часа, да еще и в другом, более крупном, чем Шелково, городе, будет нелегко. Ей ведь предстояло совмещать это с отработкой практики в маминой бухгалтерии. Та уже давно договорилась об этом со своим начальством, еще до возникновения на горизонте возможной стажировки. Юля решила ничего не отменять и не переносить, чтобы все-таки закончить обучение в колледже и сдать все досрочно – в начале апреля вместо конца мая. Она считала, что с дипломом о среднем профессиональном образовании на стажировке будет чувствовать себя немного увереннее, чем с одним только школьным аттестатом. И была готова к тому, что в ближайшие три месяца придется поднапрячься.

Однако все оказалось не так страшно. Мама уже смирилась с отсутствием у нее желания делать карьеру в бухучете, поэтому по собственной инициативе договорилась на работе о том, чтобы на практику Юля приходила один день в неделю буквально на пару часов.

– Будешь работать с первичной документацией, а в отчете напишем тебе, что нужно, – заявила она как-то утром еще до окончания новогодних каникул, лениво попивая кофе.

Юля не смогла бы выразить словами, как ее это обрадовало. Даже не из-за освободившегося времени. Просто это означало, что мама действительно поддерживает ее решение попытаться счастья в работе за границей.

Едва только пришло время ехать на первое занятие, Влад объявил, что Игорь – его водитель – будет возить ее и туда, и обратно.

– Зачем? – попыталась возразить она. – Здесь на электричке всего двадцать минут...

Правда, еще нужно было добраться до станции и от станции, а маршрутки Юля не любила: там и летом бывало тесно, а в зимней одежде и того хуже. Значит, предстояло ходить пешком, что делало дорогу почти часовой. Видимо, Влад все это знал.

– Юль, я оплачиваю время Игоря в режиме «двадцать четыре часа в сутки – семь дней в неделю». Я езжу не так уж и часто. Так что его это не обременит, а машина не будет стоять без дела.

Спорить с Владом было бесполезно. И Юлю совершенно не раздражало то, что он принял это решение за нее, поскольку оно серьезно упрощало ей жизнь. Как и оплаченные им индивидуальные занятия с репетитором. Все это грело ей душу, потому что она чувствовала в его действиях заботу и поддержку. И это окрыляло.

Как окрыляла ее и сама влюбленность, и неожиданно свалившееся на голову счастье. Такое огромное и всепоглощающее, что в отдельные мгновения становилось страшно. Ненадолго.

В основном Юля чувствовала небывалый прилив сил и энергии. Легко вставала по утрам, порой не дожидаясь будильника, с энтузиазмом вгрызалась в испанскую грамматику, играючи расправлялась с документами на практике, хотя бухучет ненавидела все четыре года учебы в колледже. У нее даже оставались силы на стандартные обязанности помощницы по хозяйству, коей она оставалась для Влада.

Только теперь она совсем не воспринимала это как работу. Юля прибиралась в квартире и готовила с совершенно новым чувством, потому что ели они теперь почти всегда вместе, да и прочее свободное время тоже проводили друг с другом. А с тех пор, как она начала оставаться у него на ночь, они практически жили под одной крышей. Просто ее вещи все еще находились в квартире напротив, а она сама предпочитала делать домашнее задание там же – в своей комнате.

От того, как стремительно все развивалось, кружилась голова. Сейчас ей трудно было поверить, что каких-то полтора месяца назад она страдала, думая, что совершенно не нужна Владу. А ведь эти мысли окончательно покинули ее всего месяц назад – в новогоднюю ночь.

О том, чтобы встречать Новый год вместе, они договорились уже утром тридцать первого декабря, до того момента у обоих были другие планы. Вечером Юля собиралась на встречу – точнее, на свидание, – с особой тщательностью. Кстати пришлось подаренное сестрой Влада платье, которое превращало ее в настоящую красотку. Надела она его, конечно, не для Влада, а для себя. Слепому мужчине было все равно, что на ней надето, но ей самой хотелось в этот вечер с удовольствием смотреть на собственное отражение.

И все же, когда Влад открыл дверь, Юля на мгновение задохнулась от нахлынувшей вдруг паники. В обычных темных брюках и черной рубашке он выглядел совершенно неотразимо, и предательские мысли снова закопошились в голове: «Ну что такой мужчина, как он, мог найти в такой девчонке, как ты? Все это не может быть взаправду, потому что так не бывает...»

– Юля? – уточнил Влад, приветливо улыбаясь, хотя едва ли сомневался в том, что это она.

– Да...

– Войдешь?

Он посторонился, и Юля смущенно поторопилась переступить порог, не зная, что делать, как вести себя и о чем говорить.

Влад вдруг протянул к ней руку и, когда она вложила в его ладонь свою, привлек к себе. Оказалось, что вполне можно обойтись без слов и просто начать вечер с поцелуя. Влад прижал Юлю к себе так крепко, что она почувствовала, как быстро и неровно бьется его сердце. В тот момент ее осенило, что он и сам волнуется до дрожи в руках.

– Я ждал тебя, – тихо выдохнул Влад, прерывая поцелуй.

Он сказал только это, никак не напомнил о том дне, когда они договорились встретиться, чтобы поехать вместе на день рождения его отца, но Юля вспомнила сама. Как тогда так и не смогла найти себе подходящее платье в магазине, как едва не разрыдалась, глядя на собственное отражение в зеркале примерочной. В тот день она молча сбежала, предпочтя авантюрную поездку с подружкой откровенному разговору с ним.

А Влад ведь ждал, поняла она только теперь. Вот так же собрался, оделся, привел себя в порядок, что для слепого человека не минутное дело. Волновался, звонил, даже зашел к ней домой, когда она так и не ответила. И в конце концов решил, что Юля не пришла, потому что испугалась развития отношений из-за его слепоты.

Она, конечно, не могла представить, что именно он чувствовал в тот момент, но сейчас ей стало по-настоящему стыдно за тот вечер. Особенно за то, что тогда она не нашла в себе сил нормально объяснить, чего испугалась. А заодно и за то, что сегодня она снова усомнилась в его отношении к ней.

Больше она не сомневалась. Может быть, потому все и понеслось со скоростью спятившего экспресса? Первым утром нового года Юля проснулась уже в постели Влада от щекотного поцелуя за мочкой уха, от которого по шее побежали взволнованные мурашки. Теперь время от времени она замечала, что подбирает имена к отчеству Владиславович, и тут же одергивала себя, понимая, что думать о подобных вещах рановато. Сейчас уместнее было заботиться о том, чтобы такое имя не пришлось выбирать в срочном порядке. Юля сама родилась «по залету», когда ее родители совсем не были готовы ими становиться, поэтому имела твердое намерение в своей жизни все сделать иначе.

До ожидающего ее «БМВ» оставалось не больше десяти шагов, когда водительская дверь распахнулась. Игорь проворно выбрался из салона, обошел автомобиль и открыл перед Юлей заднюю дверцу как раз тогда, когда она к ней подошла.

– Вам совсем не обязательно это делать, – с улыбкой заметила Юля, не торопясь сесть на место. – Я ведь не Влад, сама прекрасно справлюсь.

Она чувствовала себя неловко каждый раз, когда он так делал. Во-первых, Игорь работал не на нее, и Юля к подобному обхождению просто не привыкла. Во-вторых, он был даже старше Влада, примерно возраста ее мамы. Юле казалось нелепым, что мужчина, годящийся ей в отцы, бегаёт вокруг машины, чтобы открыть перед ней дверь.

Молчаливый водитель лишь мрачно посмотрел на нее. В его выразительном взгляде явно читалось: «Не учи меня делать мою работу, просто залезай уже, чай, не июнь».

Юля лишь пожала плечами и села на свое обычное место. Она отдавала ему предпочтение даже тогда, когда в машине не было Влада, который всегда сидел за водителем.

После занятий голова немного гудела, мозг все еще пытался строить фразы на испанском, но вместо нужных слов в памяти почему-то всплывали английские. Юля прикрыла глаза и откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как Игорь плавно выкруливает с парковки. В такие моменты она была особенно благодарна Владу за свои комфортные поездки.

Она почти задремала, когда машина заметно подпрыгнула на «лежачих полицейских». Юля инстинктивно открыла глаза, чтобы посмотреть, где они едут. Взгляд сначала устремился

в ближайшее окно, потом скользнул по кругу – через лобовое стекло к противоположной стороне, но задержался на мгновение на зеркале заднего вида.

Вдоль позвоночника прокатилась крошечная льдинка, заставив недовольно передернуть плечами. С недавних пор Юля недолюбливала зеркала.

Это тоже началось под Новый год, когда отражение вдруг улыбнулось ей чужой улыбкой, хотя Юля была уверена, что она сама в тот момент оставалась крайне серьезной и выглядела слегка испуганной.

– Настасья? – спросила она тогда у самой себя, вглядываясь в почти полностью изменившийся цвет глаз. – Это ты?

Вопрос возник не на пустом месте. В тот вечер ее пыталась убить местная ведьма, которая, как оказалось, всерьез верила в магию и сверхъестественную силу. Юля до сих пор иногда слышала у себя в голове ее голос:

– Зря вы приехали тогда в усадьбу. Хоть бы чуть-чуть попозже, я бы успела закончить ритуал. Но вы явились, прервали меня на полуслове, а потом еще и по пентаграмме принялись топтаться! А процесс был уже запущен! Кто знал, конечно, что вот так оно сработает, но магия – неточная наука...

И чем чаще Юля прокручивала в голове их странный разговор у колодца, тем тревожнее ей становилось. Поэтому она старалась не возвращаться к этим мыслям, убеждала себя, что все это были бредни сумасшедшей, а странная аномалия с глазом – не более, чем нелепое совпадение.

Но зеркала не давали забыть и обмануть саму себя. Чужая усмешка на ее губах была лишь началом. Теперь, если Юля долго смотрела в зеркало, ей начинало казаться, что она видит кого-то у себя за спиной, но стоило обернуться – видение исчезало. Оно возвращалось, стоило неосторожно заглянуть в зеркало, проходя мимо него в вечерней или ночной полутьме. Каждый раз Юле мерещилось, что вместе с ней мимо зеркала проходит кто-то еще. Женщина, облаченная в длинную белую ночную сорочку, с головы которой свисают длинные темные влажные волосы. Утопленница. Настасья. Она так и не оставила ее в покое, все еще была где-то рядом.

Юля научилась краситься, заглядывая в зеркало лишь на мгновения. Ей совершенно не хотелось, чтобы вся эта аномальщина омрачала внезапно свалившееся на нее счастье. Хватало и знания о том, что маньяк, убивший на ее глазах Татьяну, скоро вернется за новой жертвой и разбудит еще одну городскую легенду. Этот день неумолимо приближался. И Влад, конечно, не останется в стороне, а значит, и она тоже.

И вот сейчас, на мгновение заглянув в зеркало заднего вида, Юля снова заметила в нем проблеск чужого отражения, отчего сердце зашлось в груди. Так не могло продолжаться. Эдак можно и нервное расстройство себе заработать или поехать крышей и разбить вокруг себя все зеркала. Нет, пора было перестать игнорировать проблему, настало время ее решить, понять, в чем дело, что нужно Настасье, и прогнать ее раз и навсегда.

– Игорь, а мы можем заехать в одно место?

Водитель едва заметно повернул голову в ее сторону, но взгляд его остался прикован к дороге.

– Куда?

– В Грибово. В усадьбу.

Будь на его месте кто-то другой, наверняка спросил бы, какого лешего она туда собралась, но Игорь только коротко кивнул, и в Шелково проехал мимо Юлиного дома.

Она не знала, что собирается делать в усадьбе. Пентаграмму давно смыли, и в разрушающемся здании дворца едва ли удастся найти ответы и подсказки, но Юле почему-то казалось, что начать стоит оттуда.

Идея оказалась так себе. Игорь смог подъехать к автобусной остановке, находящейся недалеко от усадьбы, но подойти ближе оказалось проблематично: все засыпало снегом, а

дорожки тут, конечно, никто не чистил. И судя по отсутствию протоптанных троп, местные все еще предпочитали держаться от усадьбы подальше.

Юля постояла у края расчищенной площадки, задумчиво глядя на мрачные строения издалека сквозь голые ветки деревьев. Лишь когда где-то громко каркнула ворона, она очнулась и полезла в сумку за смартфоном, чтобы открыть чат с Галкой.

С подругой они весь этот месяц почти не виделись: совместная учеба закончилась, а водоворот дел не оставлял Юле времени на походы в клуб, где раньше они иногда проводили время. Да и, если быть честной с самой собой, ей гораздо больше нравилось проводить время с Владом, а он в клубы не ходил: агрессивная громкая музыка травмировала его чуткий слух, полностью дезориентируя.

Но разбираться с вернувшейся в жизнь Юли утопленницей стоило обязательно вместе с Галкой. Та неплохо разбиралась в подобных вещах, к тому же прекрасно была осведомлена о прежнем появлении призрака. Собственно, с него и началась их дружба.

«Надо встретиться, – написала Юля в чате. – Есть одна тема. Тебе понравится».

Глава 4

31 января 2017 года, 18.30

Несмотря на будний день и еще довольно ранний для вечера час, в «Красном Раке» уже былолюдно и шумно. Добрая половина столиков оказалась занята, включая самый любимый у Соболева – в уголке рядом с барной стойкой. Свободными оставались лишь те, что стояли по центру небольшого зала, но и это было неплохо.

– Зачем мы сюда пришли? – сдержанно поинтересовался Федоров, но в его голосе все равно со всей очевидностью сквозило удивление.

– А зачем приходят в бар? Здесь лучшее пиво в городе. И лучшие раки. Сейчас сам уви... хм... поймешь.

Соболев помог своему спутнику добраться до нужного столика, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды, которые привлекал к себе мужчина в темных очках и с белой тростью в руках. Пока они шли к выбранному месту, на них обернулись, кажется, все.

– Я ведь не об этом спрашивал, – заметил Федоров, пока Соболев прилаживал его пальто на вешалку рядом со своей курткой. Он сам в этот момент изучал кончиками пальцев поверхность маленького круглого столика, чтобы найти на нем наиболее удобное место для сложенной трости. – Обычно мы с тобой не ходим по барам. Почему тебе вдруг пришло это в голову?

– Да так, – Соболев пожал плечами, хотя понимал, что собеседник этого не увидит. – Просто подумал, что раз уж мы стали так часто пересекаться по делам, почему бы нам не познакомиться поближе, не пообщаться на бытовые темы...

– Ты решил со мной подружиться? – недоверчиво улыбнулся Федоров.

– А ты считаешь, что я недостаточно хорош, чтобы быть твоим другом? – уязвленно уточнил Соболев.

– Нет, почему же? Просто... неожиданно.

– А я люблю удивлять. Ты какое пиво предпочитаешь?

– Вообще-то, я предпочитаю вино, – хмыкнул Федоров.

– А пиво не пьешь? – удивился Соболев. – Вообще? Даже под хороший футбол и чесночные гренки?

– Я не фанат футбола. И не очень люблю, когда от меня пахнет пивом и чесноком.

– Ты всегда такой сноб и зануда? – вздохнул Соболев.

– Нет, только когда личная жизнь налаживается. Разве твоя девушка не возражает, когда от тебя пахнет пивом и чесноком?

Вопрос застал его врасплох, поэтому Соболев искренне порадовался, что собеседник слеп, иначе тот обязательно заметил бы, как изменилось его лицо, и, возможно, задался бы лишними вопросами, на которые совершенно не хотелось Федорова наводить.

Хотя, конечно, он вряд ли по одному только выражению лица смог бы понять, что у Соболева внезапно завязались совершенно неподобающие отношения с его замужней сестрой.

Все закрутилось еще в конце декабря. До тех пор они с Кристиной не были толком знакомы, лишь однажды разговаривали по телефону, когда Соболев уточнял у нее алиби брата. Встретившись с ней лично, он ее даже не узнал.

Кристина оказалась, безусловно, красива и довольно умна, ей был не чужд дух авантюризма, присущий ее слепому брату, с завидным упорством влезавшему в расследования серийных убийств. Впервые увидев ее, Соболев сразу поймал себя на мысли, что такие женщины недостижимы для мужчины вроде него. Но всего через несколько дней оказался с ней в одной постели.

Это предполагалось как ничего не значащий эпизод. Кристина была замужем, но в тот вечер, когда она пришла к Соболеву, ей управляли страх и алкоголь. По-хорошему ему вообще не стоило с ней спать, но он не устоял.

Она, протрезвев и придя в себя, не закатила ему скандал с заламыванием рук и трагическими восклицаниями в духе: «Как ты мог?» Спокойно оделась, махнула на прощание рукой и упорхнула обратно в свою сытую красивую жизнь к богатому и наверняка влиятельному мужу. Кристина подозревала, что он ей изменяет, и, сравнив счет, вроде как успокоилась.

Однако уже через десять дней приехала снова. На этот раз трезвая, но с бутылкой какого-то ужасно кислого шампанского и красиво упакованной едой из ресторана.

– Подозреваю, что в твоём холодильнике опятьмышь повесилась, – заметила она, вручая ему сумку с едой.

Слегка ошалевший от такого поворота событий Соболев не нашел что сказать в ответ, только послушно накрыл стол и даже нашел в шкафу бокалы для вина – обычного, не игристого. Совместный ужин, как и стоило ожидать, закончился бурным сексом, и на этот раз Кристина уехала только утром. А вернулась уже через неделю. И потом приехала снова.

Она никогда не предупреждала заранее, просто появлялась на пороге его квартиры и набирала номер Соболева только в том случае, если его не оказывалось дома. И то ли каждый раз ей удавалось приехать так, что у него была возможность бросить все дела ради встречи с ней, то ли сама Кристина была права, когда сказала, что дело не во времени и не в делах, а в приоритетах. Соболев не знал, как долго продлится эта связь – назвать их отношения «романом» язык как-то не поворачивался, – но не мог позволить себе упустить хотя бы одну возможность провести с ней время. Эта женщина кружила голову и манила к себе, как пламя манит мотылька.

Перспектив здесь не было никаких: наследница огромной империи, какой, по сути, являлся холдинг «Вектор», принадлежащий семье Федоровых, не свяжет свою жизнь с ментом из Шелково, но Соболев убеждал себя, что ему это и не нужно.

И уж, конечно, ему не было нужно, чтобы о происходящем узнал брат Кристины, которого следователь с недавних пор снова подозревал в серийных убийствах, регулярно происходящих в Шелково. Сам Соболев пока до конца не определился, считает ли он версию Велесова жизнеспособной, но на всякий случай решил присмотреться к Федорову поближе.

Так они и оказались вместе в баре. Соболев любил это место: чистое, красивое, с собственным стилем в оформлении, навевающим мысли о путешествиях, с большим выбором сортов и не слишком замороженным набором закусок, а главное – с вполне умеренными ценами. Здесь никогда не бывало пусто, но всегда было в меру шумно: идеальный баланс, чтобы хорошо провести время после работы или в выходной.

– Моя личная жизнь ограничивается тем, что мне регулярно имеют мозг на службе, – буркнул он и поторопился сменить тему: – Так, значит, пиво ты не будешь?

– Ну почему же? Раз уж оказался здесь, стоит попробовать. Только я не разбираюсь, поэтому закажи мне что-нибудь на свой вкус. И никаких чесночных гренков. Раков тоже не нужно.

Соболев с легкостью согласился: он в своих предпочтениях никогда не сомневался, поэтому заказал обоим свой любимый сорт с картошкой-фри на закуску. Та, по его мнению, была самой нейтральной на вкус и запах.

– Ну давай, – заявил он, поднимая бокал, – за нас с вами и фиг с ними.

С этими словами он чокнулся с бокалом Федорова и сделал большой глоток: первый всегда самый вкусный и освежающий.

– А у тебя, я так понимаю, все сложилось со славной девочкой Юлей? – поинтересовался Соболев следом, пытаясь завязать непринужденный разговор.

Федоров, свой бокал едва пригубивший, снова улыбнулся, но на этот раз как-то совсем иначе. С теплотой – так Соболев описал бы это, если бы ему пришлось искать подходящие слова. Никакого комментария он так и не дождался, но и так все было понятно. Оставалось только завидовать.

– Ясно. Ну, рад за вас. Совет да любовь, как говорится. Одного не понимаю: о чем вы с ней разговариваете? Она же маленькая еще, девчонка совсем. Нет, я в курсе, что ей двадцать один, с точки зрения закона все в порядке. Но у нее глазки такие наивные... Ты у нее, случаем, не первый?

Брови Федорова выразительно приподнялись над темными очками.

– Ты правда думаешь, что я буду с тобой это обсуждать? Вот уж нет. Одно могу сказать: мы не испытываем недостатка в темах для разговора. Она гораздо взрослее, чем кажется. Хотя и сама еще не привыкла к этому. Но мне с ней легко. Надеюсь, ей со мной тоже.

– Хочешь сказать, у вас все серьезно?

– Я пока не загадываю.

В том, как он снова поднял бокал и сделал на этот раз уже более внушительный глоток, Соболеву почудилось что-то странное, нервное, чему он не смог найти объяснение. Казалось, что в чем-то Федоров не уверен. Но вот в чем?

– Да и правильно, – легким тоном заявил Соболев. – Проблемы надо решать по мере их поступления, а не придумывать заранее. По крайней мере, у тебя есть возможность уделять девушке практически любое количество времени. У меня с этим вечные проблемы.

– Мне это знакомо, – заверил Федоров, после чего с разбега угодил в расставленную ловушку: – Но теперь времени у меня действительно предостаточно. Больше, чем нужно.

– Кстати, не в обиду будет сказано, – расслабленно заметил Соболев, делая еще один глоток пива, – но я вообще не представляю, чем ты занимаешься изо дня в день. Правда. Ты мой единственный слепой знакомый. Да и других богачей в моем окружении тоже нет. Тебе не нужно работать, чтобы прокормить себя, у тебя есть помощники на любую твою потребность, но при этом немало ограничений, которые наверняка мешают наслаждаться жизнью и проматывать деньги... Так что же ты делаешь?

Это звучало как пустая болтовня, которая вполне вписывалась в не слишком чуткую манеру полицейского, но на самом деле именно ради этого вопроса Соболев и хотел встретиться с Федоровым в неформальной обстановке. Велесов предположил, что у этого парня расщепление личности и одна из его личностей – серийный маньяк-убийца. Соболев немного почитал на эту тему и уяснил кое-что: человек с таким психическим расстройством до поры до времени может не знать о том, что с ним происходит, но он должен замечать провалы в памяти и во времени. Обнаруживать себя в неизвестных местах, куда не приходил, ловить себя на том, что у него регулярно выпадает несколько часов, в которые он не помнит, чем занимался. Федоров должен замечать за собой подобное.

– Да ничего такого особенного, – равнодушно пожал плечами тот. По его лицу и так было сложно читать эмоции, а сейчас, когда его частично скрывали темные очки, это и вовсе превращалось в невыполнимую задачу. – Обычная рутина. Я ведь гораздо медленнее делаю обычные для тебя вещи. Так пока встал, позавтракал, побрился и оделся – уже все утро и прошло. Я стараюсь больше гулять, хожу на тренировки, слушаю музыку, радио и аудиокниги. Ищу другие способы убить время.

– Я бы с ума сошел от безделья, – заметил Соболев сочувственно. И это уже не было ловушкой, он сказал это совершенно искренне.

– А я и схожу, – хмыкнул Влад с горечью и одним большим глотком осушил треть бокала. – Иногда ловлю себя на том, что не помню, не только который час, но и который день, число, месяц... Все дни как один. Стыдно признаться, но в глубине души я почти радуюсь вашему маньяку. Потому что попытки помочь его найти придают моей жизни хоть какой-то

смысл. У меня появилось какое-то дело. И даже привязка к календарю. И опять же... Юля. Она не появилась бы в моей жизни, если бы не мои рисунки и эти убийства. Это ужасно, я знаю.

– Да нет, – соврал Соболев, чувствуя, как нехорошо засосало под ложечкой. – Тебя можно понять.

Ему удалось скрыть волнение и ошутимое разочарование: слова Федорова отчасти подкрепляли версию следователя. Травма – физическая и психологическая – могла способствовать расщеплению сознания, особенно если это сознание жаждало какой-то движухи, пыталось вернуть себе ощущение собственности значимости, нужности.

Паршиво складывается, подумалось Соболеву. Каким бы классным парнем ни был Федоров, если внутри него, так или иначе, обитает маньяк-убийца, его ждет или тюрьма, или психушка – трудно сказать, что хуже.

– А ты не пробовал вернуться к своим обычным рабочим обязанностям? – неожиданно поинтересовался Соболев. – Я ведь читал про тебя, ты весьма успешно работал в отцовском холдинге вместе со старшим братом. Если при помощи ассистентов ты можешь вести расследования, то почему бы тебе при аналогичной поддержке не вернуться в бизнес?

Федоров ответил не сразу, было похоже, что он всерьез задумался. Потом наконец безразлично пожал плечами.

– Пока я валялся по больницам и реабилитационным центрам, мое место в семейном бизнесе успешно занял Олег... Это муж Кристины. А когда я выбрался из всего этого... оказался уже не нужен. В бизнесе успешен другой типаж. Уверенный в себе сильный харизматичный лидер. Не слепой инвалид.

В последних словах снова отчетливо прозвучала горечь, которую Федоров запил, еще одним большим глотком прикончив бокал пива. Соболев не придумал, что на все это ответить, поэтому только молча поддержал, тем более что в его бокале оставалось уже на доньшке.

Ни один из них не успел задаться вслух вопросом: «Повторим?», когда перед их столиком материализовался лично хозяин заведения с двумя бокалами того же пива. Он поставил их перед своими гостями и в ответ на вопросительный взгляд Соболева только махнул рукой и заявил:

– Заведение угощает. Андрей Владимирович, рад снова видеть вас у нас.

Он протянул Соболеву руку и тот с готовностью пожал ее. С Вадимом Пороховым – хозяином «Красного Рака» – он познакомился недавно при не самых приятных для бизнесмена обстоятельствах. Соболев помог ему, как смог, и, конечно, не взял за это никаких денег, хотя Порохов и предлагал «отблагодарить». Зато с тех пор в «Красном Раке» его встречали с распростертыми объятиями, делали скидки и угощали за счет заведения.

Однако на этот раз владелец бара, как оказалось, подошел с угощением не только в благодарность за недавнюю помощь.

– Андрей Владимирович, скажите, что там у вас слышно про этого маньяка? Вы его уже поймали? Или он затаился, поэтому в январе никого не убил?

Соболев в ответ уставился на него удивленно и немного обиженно, как бы говоря взглядом: «Разве я могу такое обсуждать?»

– Да ладно вам, – снова махнул рукой Порохов. – Весь город об этом уже говорит, все напуганы, потому что слухи жуткие ходят. По дружбе сказали бы, стоит ли действительно так бояться. Я вот думаю, может, жену с детьми пока к матери в Саратов отправить, чтобы не дай бог, как говорится. Как думаете?

– Не могу ничего посоветовать, – сдержанно процедил Соболев.

– А что говорят в городе об этом? – поинтересовался Влад. – Я ничего не слышал.

– Ну как же? – как будто даже обиделся хозяин. – Говорят, что завелся у нас тут душегуб. И не простой, а с чертовщинкой. То ли сатанист, то ли колдун, даже говорят. Мол, призраков всяких будит, чуть ли не конец света устроить решил.

– Вадим Николаевич, вы же образованный человек, – с укоризной протянул Соболев. – Ну как вы можете такое повторять?

– Так я бы и не повторял, – заметил Порохов с готовностью, – но тут мне жена рассказала, что полиция пригласила для помощи чуть ли не охотников за привидениями.

– Каких еще охотников за привидениями? – удивился Федоров и даже повернул голову так, словно пытался вопросительно посмотреть на Соболева.

Тот недовольно скрипнул зубами.

– С чего она это взяла?

– О, ну так у нее своя система оповещения – школьный родительский чат, – хмыкнул Порохов. – Тут ведь ничего не скроешь, город маленький. И вот кто-то слил информацию о том, что к вам приехал консультант из какого-то Института исследования необъяснимого. Но жена говорит, что они охотники за нечистью. Она их в каком-то шоу видела. Значит, и убийца этот – нечисть?

Примерно в середине тирады Соболев попытался подать владельцу бара знак замолчать, не развивая тему, но тот то ли не заметил его, то ли проигнорировал. И Федоров, конечно, услышал достаточно, чтобы выяснить все, что ему захочется, по собственным каналам. Чертовы родительские чаты!

– Я ничего не могу сказать по этому поводу, – настойчиво повторил Соболев, выразительно глядя на Порохова.

Тот укоризненно покачал головой, печально вздохнул и наконец удалился, пожелав им напоследок приятного отдыха и забрав опустевшие бокалы.

– Что это за консультант? – естественно, жадно поинтересовался Федоров, едва они снова остались вдвоем.

Соболев пододвинул к себе бокал пива и даже повернулся к собеседнику боком, как делал всегда, когда не хотел продолжать разговор. Однако Федоров этот маневр вряд ли уловил.

– Без комментариев. Влад, сам понимаешь. Тайна следствия, все такое...

– Значит, как у меня спрашивать, не нарисовал ли я чего, – так это нормально. А как я о чем-то спрашиваю, так сразу – тайна следствия? – возмутился Федоров.

– С твоей стороны – это помощь полиции. Законопослушные граждане, имеющие информацию о преступлении, должны помогать полиции. Но полиция не должна при этом отчитываться перед гражданами о ходе расследования.

Федоров в ответ промолчал. Обиделся, наверное, решил Соболев. Или, может, пиво пьет?

Он обернулся, желая посмотреть и узнать наверняка, и с удивлением обнаружил, что Федоров успел откуда-то достать небольшой блокнот и теперь с отрешенным видом рисует в нем. Соболев снова повернулся к нему всем корпусом, внимательно наблюдая за тем, как именно он это делает.

Очки, конечно, скрывали глаза Федорова, но даже если он на самом деле сейчас что-то видел, то едва ли смотрел: его голова была повернута так, что лист блокнота не попадал в поле его зрения.

Наконец карандаш замер, но Федоров так ничего и не сказал, поэтому Соболев заговорил сам:

– Что это?

– М? Где?

– У тебя в блокноте.

Брови Федорова вновь на секунду показались над стеклами очков, он зашевелил пальцами, в которых сжимал карандаш, как будто не помнил, как взял его в руку.

– Что я нарисовал? – взволнованно поинтересовался он, позволяя Соболеву забрать блокнот.

Тот с нетерпением уставился на сплетение штрихов и недоуменно протянул:

– Коридор какой-то. И дверь.

– Знаешь, где это?

– Понятия не имею. Это может быть где угодно. Здесь ничего непонятно.

– Черт, – пробормотал Федоров, как показалось, искренне огорчившись. – Но хоть что-то вокруг видно? Это дверь в квартире? Или это дверь шкафа?

– Нет, это... Да, пожалуй, это какое-то нежилое помещение...

– Уже что-то, – вздохнул Федоров.

Соболев только невнятно промычал что-то в знак согласия, фотографируя рисунок. Для него это могло стать дополнительной подсказкой, которая вполне укладывалась в версию с полузаброшенной промзоной, выдвинутой Нурейтдиновым.

Но Федорову об этом знать необязательно.

Глава 5

31 января 2017 года, 19:05

На сообщение в чате Галка отозвалась далеко не сразу, но Юлия этому только обрадовалась. За это время она вернулась домой, попрощалась с Игорем и попросила его не говорить Владу о том, что они заезжали в Грибово. Игорь в ответ только усмехнулся, а его взгляд, казалось, язвил: «Даже не знаю, как смогу смолчать, я ведь такой болтун». Но потом он едва заметно кивнул, давая понять, что распространяться об этом действительно не собирается.

Дома Юлия успела перекусить и пару раз пройтись по записанным на занятии испанским словам и фразам, прежде чем от Галки наконец пришло ответное сообщение, лаконично предлагавшее заглянуть в «Кактус», – любимый клуб небогатой молодежи Шелково, – если нужно поговорить. Туда Юлия и направилась, конечно, не тревожа Игоря.

На улице уже совсем стемнело, но в клубе пока было довольно тихо и безлюдно. Кроме Галки, одиноко катавшей шары на бильярдном столе, в большом зале за столиком сидели три девушки, непринужденно болтающие под сэндвичи с пивом. Музыка пока звучала фоном, не грохотала, оглушая и дезориентируя, а бармен коротал время, болтая со скучающей официанткой.

Заметив Юлию, Галка приветственно кивнула, но от своей игры не оторвалась. Пришлось излагать суть дела под мерное перестукивание шаров после относительно мощных, но обычно неточных ударов. Лишь когда от подробностей нападения Татьяны Юлия перешла к рассказу о странных отражениях в зеркалах, Галка заинтересованно выпрямилась, забыв об игре.

– Хм, я не знала всех этих подробностей, – заметила она с укориженными нотками в голосе. – Почему раньше не рассказала?

– Да как-то все времени не было, – ляпнула Юлия, но тут же поняла, что это неверный ответ: Галка не любила, когда у других людей обнаруживались дела поважнее общения с ней. Поэтому она тут же исправилась: – Или мне хотелось так думать... Если честно, я просто пыталась игнорировать происходящее. Надеюсь, что это... не знаю... Игра воображения на почве пережитого стресса. Кажется, так говорят?

Выражение лица Галки смягчилось. Она снова наклонилась к столу, примеряясь для нового удара, но тему обсуждать продолжила:

– Теперь, как я понимаю, ты решила, что в игноре нет смысла?

– Я хочу понять, что Настасье от меня нужно. Почему она не ушла, когда мы ее отпустили. И что именно было нужно Татьяне. Как узнать об этом больше? О силе ведьмы? Ты что-нибудь слышала?

– Да ничего конкретного, – пожала плечами Галка. – Ну, вроде как ведьма не умирает, пока свою силу и знания преемнице не передаст. Но это явно не наш случай. Если хочешь знать мотивы Татьяны, есть только один способ их выяснить.

– Какой? – настороженно поинтересовалась Юлия, поскольку подруга взяла драматическую паузу. И это очень напрягало.

Галка выпрямилась и выразительно уставилась на нее, опираясь на бильярдный кий.

– Спросить у нее самой.

– Ее убили, – напомнила Юлия, почувствовав, как от промелькнувшего в голове воспоминания по телу прокатилась дрожь.

– Я в курсе. Но именно для таких случаев и придумали спиритические сеансы.

– Допрашивать призрака? – с сомнением переспросила Юлия. – Такая себе затея.

– Но в прошлый раз у колодца получилось весьма неплохо. Забыла уже?

Она, конечно, помнила ту авантюрную вылазку. Очерченный солью круг, огонек свечи, трепещущий на ветру, отражающуюся в зеркале тень, шепот в ушах, следы босых ног на

снегу... И панический ужас, который она испытала, когда услышала, как чудовище, сотканное из страхов, полезло из колодца к ним. Как они тогда бежали! Юля такой результат никогда раньше не показывала и едва ли когда-нибудь сможет повторить.

– Я к колодцу больше не пойду, – уверенно заявила она. – Должен быть другой способ. Галка улыбнулась, и улыбка эта не предвещала ничего хорошего.
– Тебе повезло, что я этот способ знаю.

* * *

Этим «другим способом» оказалась спиритическая доска.

– У меня есть такая, – радостно заявила подруга, без сожалений бросая недоигранную партию. – Только моя маман уже наверняка вернулась, так что спокойно провести ритуал нам не дадут. У тебя дома как? Кроме мелкого есть кто?

Когда Юля уходила, дома как раз никого не было, даже «мелкого», то есть младшего брата. Но теперь время подбиралось к семи, рабочий день ее мамы тоже давно закончился, и, хотя той еще нужно было забрать Семку от бабушки с дедушкой, она наверняка или уже была дома, или могла прийти с минуты на минуту.

– Можно попробовать провести ритуал у Влада, – предложила Юля. – Он собирался сегодня на встречу с Соболевым. Скорее всего, уже ушел и едва ли быстро вернется. У него нам никто не помешает.

Галке идея пришла по душе, оставалось только взять доску. Та в реальности оказалась листом плотного картона, сложенным вчетверо, и напоминала обычное игровое поле практически любой настолки. В местах, где она складывалась, образовались заломы, и Юля подозревала, что бегунок будет о них спотыкаться. Но в остальном доска Уиджи выглядела весьма нарядно и была похожа на ту, что использовали в одноименном ужастике, который они как-то смотрели вместе.

– А эта штука точно работает? – скептически поинтересовалась Юля, вертя картонку в руках. – Разве эта доска не должна быть деревянной?

– За деревянную пришлось бы отвалить тыщи три, – фыркнула Галка, забрав «доску» у Юли. – А эта обошлась мне всего в пятьсот рублей. Но если сомневаешься в ней, можем раскрутить твоего дружка на настоящую. Для него это не деньги, а так... Один раз поесть.

Юля торопливо заверила, что ее вполне устраивает и такая. «Раскручивать» Влада на подарки она не собиралась, даже если эти подарки для него ничего не стоили. Мама растила ее практически в одиночку, поэтому с детства приучила не клянить ни игрушки, ни одежду, а радоваться тому, что дают. Юля выросла с мыслью, что просить о чем-то – ужасно стыдно.

К тому же, несмотря на все пережитое за последние несколько месяцев, она все еще с сомнением относилась ко всяким магическим штукам, поэтому в деревянной доске сомневалась бы не меньше, чем в картонной.

Галку ее решение как будто даже немного огорчило. Судя по всему, она уже успела понадеяться на появление в ее жизни «настоящей» спиритической доски. Однако такая ерунда не могла ее остановить. Подруга все с тем же энтузиазмом разложила картонку на полу, поставила рядом толстую свечу (Юля настояла на подставке в виде кофейного блюдца, хотя Галка и заверила ее, что такие свечи не текут) и погасила свет и в комнате, и в прихожей, чтобы стало по-настоящему темно. Конечно, ей не удалось добиться крошечной темноты: в гостиной здесь висели полупрозрачные занавески, которые пропускали свет уличных фонарей, даже когда полностью закрывали окно. Но Юле все равно стало немножко не по себе.

Чиркнув зажигалкой, Галка поднесла вспыхнувший огонек к фитилю свечи. Крошечный язычок пламени перескочил, дрогнул, едва не погас, но через мгновение все-таки разгорелся,

освещая лица склонившихся над доской девушек. Они сидели друг напротив друга, поэтому буквы алфавита Юля видела вверх ногами.

– Значит так, – начала Галка, беря в руки бегунок. – Алгоритм действий очень простой. Эту штуку кладем сюда, – она положила его на центр доски, – потом кладем на него обе руки. Неважно, сколько пальцев будет задействовано, можно хоть одним касаться, но важно, чтобы бегунка касались обе руки. Поняла?

Юля молча кивнула.

– Сначала проведем его несколько раз по кругу, чтобы он почувствовал нас, а мы его, и в этот же момент нужно звать Татьяну.

– Как в том кино? – предположила Юля и процитировала: – «Наш круг друзей един с тобой, заблудший дух, прерви покой»?

Галка посмотрела на нее как на недоразвитую и сокрушенно покачала головой.

– Нет, ну если хотим посмешить духов и позвать непонятно кого, то можно, конечно. Но лучше просто звать по имени. Как там фамилия у этой Татьяны?

– Гусарова.

– Ну вот, так и будем звать: «Дух Татьяны Гусаровой, явись и поговори с нами». Поняла?

Юля снова кивнула, чувствуя себя немного неловко.

– А нам не нужно снова создать защитный соляной круг? Как в прошлый раз? – все же уточнила она, хоть ей и не хотелось снова ловить снисходительный Галкин взгляд.

– Нет, главное – не отпускать бегунок, пока кто-нибудь из нас не скажет: «Дух, уходи!» И бегунок в этот момент нужно перевести сюда. – Галка указала на надпись: «Прощай», выведенную под алфавитом. Кроме нее, на доске были еще надписи: «Да» и «Нет». – Готова?

Юля глубоко вдохнула и с силой вытолкнула воздух из легких, пытаясь сбросить накативший вдруг мандраж, но стало только хуже: от потока воздуха нервно заплесало пламя, отчего сердце в груди тоже дрогнуло. Тем не менее она кивнула в третий раз и коснулась кончиками пальцев бегунка.

Галка сделала то же самое и толкнула бегунок по кругу, велев:

– Давай вместе. Дух Татьяны Гусаровой, явись и поговори с нами!

Юля успела подключиться и проговорить призыв вместе с подругой. Перемещая бегунок по кругу, они повторили простенькую фразу трижды, после чего замерли, вернув бегунок на центр доски.

– Дух, ты здесь? – тихо спросила Галка.

Они обе уставились на бегунок, их пальцы, касающиеся дешевого пластика, слегка подрагивали от напряжения. Юля снова шумно выдохнула, слегка устав от напряженного ожидания, но ничего так и не произошло.

– Давай еще раз, – велела не желавшая сдаваться Галка.

Они снова прогнали бегунок по кругу, повторили призыв, замерли, спросили дух, пришел ли он, но результат оказался тем же.

– Не работает, – разочарованно вздохнула Юля.

– Может быть, ты плохо стараешься? – недовольно покосилась на нее Галка. – Или слишком скептически настроена?

– Стараюсь ничуть не меньше, чем старалась у колодца! – огрызнулась Юля, обиженная тем, что подруга пытается спихнуть неудачу на нее.

– Тогда давай попробуем еще раз.

Юля не возражала, но ни третья, ни четвертая, ни пятая попытки не увенчались успехом.

– Вредничает дух, – хмыкнула Галка, отпустила бегунок и резво вскочила на ноги. – Пойду пописаю, чтобы меня потребности брэнного тела не отвлекали.

Она выскочила из комнаты быстрее, чем Юля успела изменить позу, чтобы немного размять затекшие ноги.

В тишине квартиры было отчетливо слышно, как щелкнул замок, запирающий дверь туалета. Юля провела пальцами над огоньком свечи, на мгновения касаясь пламени и думая о том, что все это ужасно глупо: и картонная спиритическая доска, и попытки воззвать к духу, и свеча эта на блюдце. Лучше бы она посидела и позубрила испанский к занятию в четверг. И чего черт ее дернул заняться этой ерундой именно сейчас? Жила себе спокойно месяц и горя не знала. Подумаешь, в зеркальном отражении кто-то рядом ходит. Не в реальности же! Но тут словно кто-то нашептал...

Щеки коснулось холодное дуновение ветра, распущенные волосы затрепетали от внезапного порыва. Неужели окно открыто на проветривание? Юля удивилась, потому что холодом по полу совсем не тянуло и до сих пор она никакого ветра не чувствовала.

Еще не повернув голову, чтобы проверить, она уже почувствовала, как в животе что-то неприятно кольнуло, как будто часть нее уже знала, что сейчас откроется взору. Возможно, Юля краем глаза успела увидеть бледную фигуру, притаившуюся за полупрозрачной занавеской, просто не сразу осознала это.

Даже увидев сквозь тонкую ткань знакомые черты лица, она не дернулась и не вскрикнула. Не потому, что не испугалась, просто не смогла. Горло перехватило спазмом, да таким сильным, что даже воздух застрял, так и не дойдя до легких, руки и ноги похолодели, а потом Юля и вовсе перестала их чувствовать.

Татьяна стояла у окна за занавеской и смотрела на нее мутными глазами. Она не шевелилась, рот ее был слегка приоткрыт и казался черным изнутри.

Ошарашенная, Юля долгих несколько секунд просто смотрела в мертвые глаза, а потом попыталась задать один из тех вопросов, что мучили ее уже месяц, но из горла вырвался только тихий хрип.

Этого звука оказалось достаточно, чтобы Татьяна пришла в движение. Она качнулась вперед, и в первое мгновение показалось, что сейчас упадет лицом вниз, но вместо этого неуклюже переставила ноги и чуть приблизилась к замершей от ужаса Юле. Занавеска зашуршала, натянулась, облепляя лицо Татьяны плотнее, потом задралась выше, открывая взгляду ноги, обутые в зимние высокие ботинки на небольшом каблучке. В глубоких прорезях подошв застрял смешанный с солью снег, который теперь таял, оставляя на полу грязные мокрые следы.

Осознав, что мертвая женщина приближается, Юля попыталась отпрыгнуть. Руки и ноги по-прежнему плохо слушались, поэтому ей удалось сдвинуться едва ли на полметра, хотя она старалась изо всех сил.

Татьяна шла вперед, по-прежнему не отрывая от Юли мертвого взгляда. Занавеска поднималась все выше и открывала ее все больше и больше, и наконец в руке заметно блеснул нож. Тот самый нож, с которым она была у колодца.

Это мгновенно придало сил. Юля наконец сумела вскочить на ноги и шагнуть к двери, но та с громким хлопком закрылась прежде, чем ей удалось схватиться за ручку. А когда она все же дотянулась до нее, дверь не поддавалась.

– Галка! Помоги! Выпусти меня! – заорала Юля, то стуча рукой по крепкому полотну, то остервенело дергая на себя ручку. – Галя!!!

За спиной продолжала шуршать занавеска, скользя по телу приближающегося мертвеца. На мгновение оглядываясь через плечо, Юля видела все те же мутные глаза, глядящие на нее из-под полуопущенных век.

Татьяна уже подошла к разложенной на полу доске Уиджи и горящей рядом свече. Пламя снова дрогнуло, как от нового порыва ветра, и мгновение спустя погасло, оставив Юлю в темноте, в которой приближающегося мертвеца стало почти не видно. Свет уличных фонарей за окном то ли внезапно погас, то ли по какой-то причине потускнел.

Она в панике дернула дверь изо всех сил, и та неожиданно легко распахнулась. Выбежав из комнаты, Юля снова потянула на себя ручку, теперь уже закрывая дверь за собой, чтобы

Татьяна не смогла последовать за ней, но тут кто-то коснулся ее плеча, заставив отпрянуть и вскрикнуть.

– Ты чего орешь? – Галка удивленно таращилась на нее.

Только сейчас Юля поняла, что в коридоре ярко горит верхний свет.

– Татьяна пришла, – сипло выдохнула она, не выпуская дверную ручку. – Она там.

– Да ладно. Покажи!

Галка шагнула к двери, но Юля ее оттолкнула, испуганно прикрикнув:

– Сдурела? Она с ножом! Она пришла закончить начатое!

Подруга уставилась на нее, как на душевнобольную, но больше не стала пытаться войти в комнату. Они так и замерли, глядя на дверь кто в ужасе, кто в растерянности. В повисшей тишине послышался шорох ключа в замочной скважине, заставивший Юлю похолодеть, но раздавшийся следом звонок позволил облегченно выдохнуть.

– Влад!

Бросив ручку, Юля поторопилась открыть входную дверь, впуская хозяина квартиры и с трудом сдерживая порыв срочно повиснуть у него на шее. Присутствие Влада всегда делало происходящее не таким страшным.

– Как хорошо, что ты уже вернулся!

Если Влад и заметил панические нотки в ее голосе, то вида не подал. Лишь улыбнулся и заметил:

– Приятно, когда тебя так встречают. Что-то случилось или ты просто соскучилась?

– Она говорит, что за ней пришла Татьяна, чтобы закончить начатое у колодца, – сдала ее Галка с потрохами, заодно обозначив собственное присутствие. – Кстати, привет.

– Вот как? – удивился Влад, лишь кивнув в ответ на приветствие. – Почему она вдруг пришла? И почему именно сюда?

Юля промолчала, неловко закусив губу, зато Галка ответила, ничуть не смутившись:

– Наверное, потому что мы пытались провести спиритический сеанс и вызвали ее. Только вот бегунок на доске так и не шелохнулся, и лично я никого не видела.

– Зато я видела! – Юля возмущенно посмотрела на нее. – Она была там! Почему все каждый раз сомневаются в моих словах?

– Никто ни в чем не сомневается, – мягко заверил Влад, снимая пальто и привычным движением размещая его на вешалке. – Давайте все вместе посмотрим. Вы обычным зрением, а я своим... альтернативным.

– А если она...

«Еще там», – собиралась возразить Юля, но бойкая Галка уже успела распахнуть дверь в гостиную и зажечь в ней верхний свет. Комната, конечно, оказалась пуста.

– Вуаля, – всплеснула руками Галка. – Никого.

– Я тоже ничего не вижу, никаких очертаний, – подтвердил Влад.

– Но она была здесь... – пробормотала Юля, проходя в комнату и с опаской поглядывая на занавески.

Нога в тонком носке наступила на что-то холодное и мокрое, заставив ойкнуть. Юля присела на корточки и потрогала маленькую грязную лужицу на полу, словно желая убедиться в том, что она действительно существует. В шаге от нее на свету поблескивала вторая.

– Вот! Это от нее осталось! – она повернулась к Владу и уточнила для него: – Я видела ее в зимних ботинках, с них на пол падал снег и таял. Если здесь никого не было, то откуда на полу лужицы?

– Да, похоже, Танька действительно здесь была, – ворчливо протянула Галка, наклоняясь к лежащей на полу спиритической доске. – И испортила хорошую вещь.

Она продемонстрировала Юле картонку, на которой чем-то острым были почти насквозь процарапаны несколько букв алфавита: *в, д, е, р, ь*.

– Что там? – поинтересовался, нахмурившись, Влад, и Юля описала ему случившееся с доской.

– Видимо, Татьяна решила пообщаться с нами *вот так*, – фыркнула Галка. – И чем ее бегунок не устроил? В каком порядке нам читать эти буквы?

– Вдерь... – прочитала вслух Юля. – Дверь?

– Какая еще дверь?

– Может быть, эта? – предположил Влад, вытаскивая из внутреннего кармана пиджака маленький блокнот с новым рисунком. – Я нарисовал это сегодня во время встречи с Соболевым.

Девушки едва не столкнулись головами, заглядывая в рисунок, потом заинтригованно посмотрели друг на друга.

– Интересно, где это? – задалась вопросом Юля.

– И о чем это? – добавила Галка. – Это ведь наверняка очередная городская легенда, но из того, что я знаю, мне ничего не приходит в голову.

– Попытаешься ее найти? – с улыбкой предложил Влад.

– Будь уверен, я ее найду, – ухмыльнулась Галка в предвкушении. – Но с тебя, мажор, новая доска!

Юля страшно округлила глаза, давая подруге знак, что это неприемлемо, но та только махнула рукой, одними губами произнесла: «С него не убудет». Влад, в свою очередь, заверил, что он купит ей любую доску, которую она выберет. На том и распрощались.

– Все хорошо? – поинтересовался Влад, когда Юля закрыла за Галкой дверь. – Ты успокоилась?

– Не совсем, – призналась Юля, обхватывая руками плечи, чтобы унять дрожь. – Но скоро пройдет. Я уже почти привыкла к мертвым теткам, забегающим немного поглазеть на меня. Ты голодный?

– Нет, мы поели, – улыбнулся Влад. – Но я могу составить тебе компанию.

– Я лучше пойду к себе, – с извиняющимися нотками в голосе отказалась Юля. – Хочу еще раз пройти весь тот материал, что был сегодня на занятии, немного позубрить. А если останусь у тебя, боюсь, уже не смогу себя заставить.

Влад не стал возражать. Юля быстро прибрала в гостиной все, что осталось после сеанса и явления Татьяны, чмокнула его в щеку и выскочила в общий коридор.

Открыв собственную дверь, она убедилась, что мама и Семка уже давно пришли: с кухни, как всегда по вечерам, доносился звук работающего телевизора и запах разогреваемой на ужин еды. Семка и вовсе обнаружился прямо здесь, в прихожей.

Восьмилетний брат не возился с Лего или одним из своих роботов, а просто стоял, внимательно глядя на встроенный шкаф, где хранились не используемые каждый день одежда и обувь. Он то ли задумался о чем-то своем, то ли размышлял, как использовать это место для очередной игры. Процесс так увлек его, что он проигнорировал вошедшую сестру. Так и не обернулся к ней, пока она вешала пальто и снимала сапоги.

– Эй, ты чего тут стоишь? – поинтересовалась Юля, взъерошив и без того торчащие в разные стороны волосы.

Семка вздрогнул, как будто только теперь заметил ее. Скользнув по ней рассеянным взглядом, снова повернулся к шкафу, но на этот раз созерцание плотно закрытой двери его не захватило.

– Ничего, – бросил он через плечо и побежал на кухню к маме.

Юле оставалось только пожать плечами и последовать за ним.

Глава 6

1 февраля 2017 года

В среду утром Соболев первым делом распечатал фотографию нового рисунка Влада и повесил ее на доску, где собиралась информация о серийных убийствах. Хотя пятое еще не произошло, его место на доске уже заполнялось, и Соболев искренне надеялся, что фотография жертвы здесь так и не появится.

Рядом с фотографией нарисованной двери висела распечатка карты предполагаемого района, в котором должно произойти новое убийство. Однако пока ни одной внятной легенды, связанной с очерченной промзоной, Соболев найти не мог. То ли как-то неправильно искал, то ли они опять имели дело с чем-то не таким распространенным, как истории Хозяйки, Смотрителя или кукол-убийц.

Погружаясь в поиски, Соболев каждый раз давал себе мысленный подзатыльник. Он ведь мог сейчас знать наверняка, где произойдет преступление! Чуть больше месяца назад он держал в руках «путеводитель» их маньяка: старенькую тетрадку с описанием тех самых активных мест, о которых говорил Нуреитдинов. Там были и усадьба, и кладбище, и лес, в котором в итоге построили детский лагерь. Наверняка дальше описывалась и легенда, связанная с нынешней промзоной, но он до нее не дошел. Начал читать про интересующий его на тот момент колодец и не заметил, как к нему подобрался со спины.

А ведь мог просто взять тетрадь и свалить побыстрее, почитал бы потом в безопасной обстановке! Но Соболев этого не сделал, потому что ситуация касалась его лично, ему хотелось поскорее узнать ответы на свои вопросы. Поэтому теперь он был вынужден искать «то – не знаю что». И времени было не так много, как хотелось бы: оставались последние пять дней, убийца уже наверняка готовит свой «ритуал».

От прочей работы Соболева, конечно, тоже никто не освобождал, поэтому потратить целый день на изучение весьма сомнительных сайтов он не мог, да и пользы от них было совсем мало. Всякого рода городские легенды и страшилки он читал и в прошлый раз, но это было все равно, что искать иголку в стоге сена. Слишком много мусора, слишком! Листая разного рода «свидетельства» и рассказы «со слов очевидцев», Соболев то и дело удивлялся, откуда у людей столько свободного времени, чтобы тратить его на подобную чушь. Чаще всего это были рассказы ни о чем. Пошли с подругой или другом, там было темно и страшно, потом где-то что-то гроыхнуло, мы испугались и убежали – занавес.

Но Соболев знал, что хороший опер не сдастся, сколько бы стогов сена перед ним ни лежало. А еще он знал, что иногда упорство вознаграждается случайной удачей.

Так произошло и в этот раз, и в случайном совпадении просматривалось нечто почти мистическое. Потому что особой надобности выходить куда-то из отделения у него сегодня не было. Даже сигарет в пачке оставалась еще треть, вполне можно было дотянуть до вечера и купить новую по пути домой. Но когда мозг вскипел от бездарной писанины в интернете, он решил, что заканчивающийся запас курева – это вполне уважительная причина, чтобы немного пройтись, подышать морозным воздухом и проветриться. Только благодаря этому решению на обратном пути он заметил у окошка дежурного женщину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.